

Вадим ОСИН

**НАУКА В НОВОМ МИРЕ:
ТРИ СЮЖЕТА ГЕНЕЗИСА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ***

В “Демократии в Америке” (1835) Алексис де Токвиль заявил: “Совершенно новому миру необходима новая политическая наука”¹.

* Статья посвящается Юрию Шведе и Александру Сорбе, двум замечательным львовским политологам, сейчас отчаянно сражающимся за свою жизнь. Данная статья стала возможной благодаря коллективному гранту по изучению политики знания на постсоветском пространстве, предоставленному Центром перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE), Корпорацией Карнеги, Нью-Йорк, и Американскими Советами по международному образованию (ACTR/ ACCELS) в рамках Программы “Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)”, Вильнюс (Литва). Благодарю Илью Герасимова за советы и замечания по поводу первого варианта статьи, а также двух анонимных рецензентов *AI* за их комментарии. Мадина Тлюстанова дала важные советы, касающиеся постколониальных исследований, а Александр Фисун, Сергей Жук, Анатолий Романенко и Юрий Шведа помогли мне разобраться в нюансах истории становления политической науки в Украине, в том числе в сравнительной перспективе. Я также благодарен Владимиру Вашенко за инсайты, обогатившие статью. Редакция *AI* благодарит Маргариту Павлову (ВШЭ СПб) за помощь в подготовке статьи.

¹ Alexis De Tocqueville. *De la démocratie en Amérique*. Première partie. Paris, 1992 [1835]. P. 12. Русский перевод искажает оригинал (“Il faut une science politique nouvelle à un monde tout nouveau”): “Совершенно новому миру необходимы новые политические знания”. Алексис де Токвиль. *Демократия в Америке*. Москва, 1992. С. 29.

Впоследствии на основании этого тезиса возникла аксиома, согласно которой современная политическая наука возможна только при демократии.² Мысль Токвиля служит отправной точкой и данного исследования: совершенно новому миру постсоветской политики должна соответствовать новая, особая политическая наука. В этой статье я рассматриваю три измерения украинской региональной политологии, в которых комплементарность политической сферы и дисциплины проявляется максимально отчетливо. Речь идет о трансформации мотивационного аспекта политической науки при неопатримониальном политическом режиме, изменении гендерного порядка в профессии и о геополитическом контексте производства местного научного знания, что ставит на повестку дня вопрос его деколонизации. Эмпирическая база работы – 23 интервью профессоров и доцентов политологических сообществ Харькова, Львова и Симферополя, проведенных в 2012–2013 гг. Вадимом Осиным и Сергеем Шуляком, и 12 интервью, проведенных в этот же период Анжелой Зеленски в Кишиневе.³

² Отмечу амбивалентность проекта “политической науки” у Токвиля, который был связан как с требованием “объяснения прошлого и будущего, старого режима и нового”, так и с необходимостью формирования “интеллектуальной атмосферы, которой дышат разумы управляемых и правителей”: Alexis de Tocqueville. *Democracy in America*. Historical-Critical Edition of *De la démocratie en Amérique* / Ed. by Eduardo Nolla; Trans. by James T. Schleifer. Indianapolis, 2009. Pp. cxi, 17. В ряде дискуссий по истории политологии внимание переносится с объяснения ее объекта (демократии) и просвещения населения на абсолютизацию связи между демократией и политической наукой: Erkki Berndtson. *The Development of Political Science: Methodological Problems of Comparative Research* // David Easton, John G. Gunnell, Luigi Graziano (Eds.). *The Development of Political Science. A Comparative Survey*. London, New York, 1991. Pp. 39-43. На самом деле, Токвиль предлагает более тонкое и продуктивное понимание соотношения науки и политического строя, когда пишет (на языке своего времени), что мера “цивилизованности” “всегда пропорциональна сложности политической науки”. Тем самым предполагается ранжирование сложности различных политологий в зависимости от политического режима: “чем больше цивилизованности (*civilization*), тем более разработанной является политическая наука”: Tocqueville. *Democracy*. P. 17. Эта идея Токвиля задает рамку моего исследования.

³ В статье интервью молдавских политологов цитируются выборочно, в основном для подтверждения универсальности ряда важных процессов.

***Предпосылки генезиса политической науки
на постсоветском пространстве:
торжество власти, подчиненность исследователей***

В какой степени можно говорить о новизне постсоветской политологии? Учитывая специфику дисциплинарной демаркации советской Академии, можно сформулировать следующую гипотезу: традиция политических исследований сложилась еще в СССР, но ее влияние на постсоветскую науку проявилось не в воспроизводстве системы аккумуляции и трансляции научного опыта, научных школ, исследовательских программ, парадигм и сетей ученых, а в сохранении иерархической модели отношений между властью и Академией.

Предположение, допускающее возможность генезиса политологии вне формальных дисциплинарных рамок и при отсутствии развитой публичной сферы в ее общепринятом понимании, исходит из убеждения, что сложное и политически далеко не пассивное советское общество не могло не иметь своих политологов.⁴ В подтверждение этого тезиса можно вспомнить, что политологическое сообщество в СССР было организовано в рамках Советской Ассоциации политических (государствоведческих) наук (САП(Г)Н),⁵ представители которой ре-

⁴ Георгий Дерлугьян указывает на мифичность представления о пассивности и аполитичности советского общества, коль скоро даже диссиденты не представляли реального масштаба и распространенности протестов за пределами столичных городов (Г. Дерлугьян. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. Москва, 2010. С. 95). Он приводит примеры многочисленных восстаний и бунтов на территории СССР в 1950-1960-е гг., в конечном итоге сделавшие “возможным зарождение демократизации из революционной диктатуры” (Там же. С. 98). К этому стоит добавить сохранение в течение долгого времени высокой вероятности националистических восстаний “в Прибалтике, на Западной Украине и, вероятно, в Узбекистане и Туркмении” (Там же. С. 243). Все это указывает на существование практической необходимости профессионального изучения политической сферы в СССР, осознававшейся советским руководством. Дмитрий Воробьев подтверждает, что в 1960-е гг. сформировался “запрос на политическую науку” “сверху”, от лиц, тесно связанных с политической практикой” (Д. Воробьев. Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // Полис. 2004. № 4. С. 170).

⁵ История этой профессиональной ассоциации так описывалась в 1961 г.: “Советская ассоциация политических (государствоведческих) наук является коллективным членом Международной ассоциации политических наук (МАПН). До июня 1959 г. членом МАПН являлась секция экономических, философских и правовых наук Союза советских обществ культурной связи с зарубежными странами. Впоследствии эта секция вошла в систему Академии наук СССР и реорганизована в Советскую ассоциацию политических (государствоведческих) наук”. В. П. Шатров. В Советской

гулярно принимали участие в конгрессах Международной ассоциации политических наук, издавали ежегодные сборники статей.⁶ В качестве дисциплины советского обществоведения с максимальной концентрацией политических ученых традиционно выделяют научный коммунизм.⁷ По мнению Георгия Дерлугьяна, это был “аргументированный ответ” советских вождей “на вызовы новой эпохи”, попытка добиться легитимности коммунистического проекта.⁸

Однако формальная идентификация обществоведческих институтов СССР с политологической наукой, признание научного коммунизма (или любой другой дисциплины) “кузницей кадров” для нее, является ретроспективной проекцией. А главное, даже если такая проекция правомерна, сама по себе она никак не доказывает практического влияния САП(Г)Н или научного коммунизма на генезис современной

ассоциации политических (государствоведческих) наук // Советское государство и право. 1961. № 1. С. 143.

⁶ В качестве примера можно указать на структуру одного из них – “Политика мира и развития политических систем” (1979), вышедшего в серии “Советская ассоциация политических наук” тиражом 4000 экземпляров: “Теоретические проблемы современного политического развития”, “Методология исследования политических процессов”, “Политика и развитие международных отношений”, “Политическое развитие СССР: опыт и проблемы” и “Политическое развитие зарубежных стран”.

⁷ Дмитрий Воробьев отмечает, что в СССР политические исследования проводились в рамках нескольких отраслей гуманитарного знания (философия, история, социология), дисциплин (научный коммунизм, история КПСС, теория социализма, востоковедение, этнография) и ряде Академий и институтов (ИМЭМО АН, ИМРД АН, Институт общественных наук и Академия общественных наук). Д. Воробьев. Институциональные предпосылки процесса формирования советского политологического сообщества во второй половине XX века / Автореферат дис. канд. полит. н. Москва, 2008. С. 21.

⁸ Дерлугьян. Адепт Бурдые. С. 137. В самом начале 1960-х гг. “предмет научного коммунизма оставался неопределен, в то время как упор на научность предполагал (как казалось) эмпирические подходы, соприкосновение с научно-техническим прогрессом, методологическое новаторство (чего стоили количественные методы и компьютеризация!) и даже выход, в порядке критики современной буржуазной идеологии, на сверхмодную в те годы футурологию. Все это порождало большие надежды и иллюзии”. После 1968 г. партийный контроль над новой специальностью стал компрометировать ее потенциал: “После ‘пражской весны’ кафедры научного коммунизма были усилены стойкими приверженцами партийной линии, в основном переведенными с доказавших свою благонадежность кафедр политэкономики социализма и истории КПСС. Большинство преподавателей научного коммунизма проявило благоразумие в выборе между комфортабельной карьерой и перспективой лишиться места”. Там же. С. 138.

политологии в Украине. Кажется некорректным говорить о существовании прямой институциональной преемственности: научный коммунизм имел слишком специфический объект исследования и методологию, а САП(Г)Н была фактически дезорганизована за два десятилетия до распада СССР.⁹ Что касается концептуальной преемственности новой политологии с советским обществоведением, то для определенного вывода необходимо напрямую спросить об этом тех ученых, от которых можно было ожидать воспроизведения советского наследия в новых условиях. Практически, эта задача решается путем интервью с политологами, начавшими профессиональную карьеру до 1991 г.

С точки зрения территориального ограничения выборки, Украина представляется особо репрезентативной. Во-первых, потому, что институты предполагаемой советской политической науки в полной мере присутствовали в УССР – в отличие, скажем, от Молдовы, там существовало региональное отделение САП(Г)Н.¹⁰ Во-вторых, гетерогенность частей Украины позволит выявить региональные паттерны постсоветского развития политологии и верифицировать сделанные обобщения.

При ответе на вопрос о том, существовала ли украинская политическая наука до момента ее официального введения в конце 1980-х гг., респонденты разделились на две группы. Первую составляют те, чьи интересы включают историю политической науки, ее теоретические и эпистемологические аспекты, но не предполагают непосредственного вовлечения в политический процесс (“теоретики”). Интересы представителей второй группы вытекали из их участия в политическом процессе в качестве претендентов на выборные должности, политических технологов, руководителей избирательных штабов или экспертов

⁹ САП(Г)Н утратила организационную базу в 1972 г. с разгоном Института конкретных социологических исследований. В итоге советские политологи вынужденно “интегрируются в некое замкнутое сообщество, несколько сектантского или орденского типа”. Воробьев. Институциональные предпосылки. С. 18. Институциональная разобщенность и отсутствие артикулированного запроса со стороны политического руководства страны имели последствием отсутствие “системы воспроизводства научных кадров”. Воробьев. Политология в СССР. С. 177.

¹⁰ По этой причине, как считают Валерий Мошняга и Виктор Сака, “в новом европейском государстве – Республике Молдова – практически не оказалось обществоведческих кадров, занимавшихся ранее исследованиями зарубежной проблематики и знакомых с современной западной политической наукой”. В. Мошняга, В. Сака. Развитие политологии как науки и учебной дисциплины в Республике Молдова // Политическая наука. Политология в постсоветских государствах. С. 147.

государственных органов исполнительной и законодательной власти (“практики”).

В типичном нарративе “теоретиков” не отрицается существование политической науки в Украине, условно, до 1991 г. Уверенность в наличии интеллектуальной преемственности при этом подтверждается не конкретными эпизодами личного опыта, а постулированием нормативного тезиса. “Украинская политическая наука не могла не существовать” (в Украине или конкретном вузе) – и до образования СССР, и после, когда она разрабатывалась в рамках самых различных дисциплин. Один львовский респондент придал этой позиции отчетливо экзистенциальный оттенок:

Частично такие проблемы освещались. И отбрасывать, и отрицать их я не имел бы права... Еще раз говорю, исходя из того, что там были люди, которые отстаивали эти идеи, я говорю – отрицая идеи, мы отрицаем все: и само существование тех людей, и их самоуважение, и их честь, и их достоинство, как ненужных, незначимых...¹¹ (ЛМД(п)–1).

В нарративе “практиков” полностью отрицается политология в СССР. Различается лишь модус высказывания: от категорического утверждения (“нет, конечно же, не было”) до встречающейся реже мягкой формы, когда признается, что можно говорить о существовании “протополитологии” или “отдельных практических работ политической направленности”, но не более того. Эти респонденты напрямую апеллируют к личному опыту, указывая, скажем, на невозможность получения профессиональной экспертизы:

Не было. Когда мы писали первые учебники, то, возможно, там Бабкин был в Киеве, и все. То есть, мы искали, кто мог бы помочь, – никого не было (ЛМД(п)–2).

¹¹ Первая буква кодировки интервьюеров обозначает принадлежность к тому или иному региональному политологическому сообществу: “Х” – харьковскому, “Л” – львовскому, а “С” – симферопольскому (крымскому). Вторая буква обозначает пол респондента, мужской (“М”) и женский (“Ж”). Третья буква отсылает к научной степени: “К” – кандидатская и “Д” – докторская. Буква в скобках указывает на специальность, по которой была получена та или иная степень: “п” означает, что речь идет о “политических науках”, “ф” – о философии, “г/у” – о государственном управлении, а “и” – об “исторических науках”. Цифра обозначает старшинство в получении научной степени в рамках той или иной группы респондентов (кандидатов или докторов наук по соответствующей специальности). Молдавские политологи, фрагменты интервью которых также выборочно цитируются в статье, обозначаются заглавной “К” (Кишинев).

Расхождения между “теоретиками” и “практиками” обусловлены различным опытом профессиональной социализации. Уверенность первых в наличии долгой традиции политического теоретизирования или историко-политических изысканий основана на убежденности в том, что “*ex nihilo nihil fit*”. Поскольку существование научной дисциплины предполагает наличие у нее концептуальных истоков, то “теоретики” склонны выстраивать идейные генеалогии, ретроспективно конструируя не персональную, но дисциплинарную интеллектуальную преемственность.¹² А контраст между личной профессиональной социализацией в публичной политике (как она складывалась в ходе перестройки) и отсутствием этого типа политики в прежние эпохи убеждает “практиков” в невозможности существования предмета подлинной политологии в “советское” время.

Другой индикатор степени преемственности советской и новой украинской политологии – это учебник по новой дисциплине. Учебник окончательно фиксирует границы “предметного поля” новой науки и служит свидетельством ее полноценной институционализации. Как выразился один респондент, “учебник именно в 1990-е – это очень много” (ХМД(п)–1). Поэтому можно предложить следующую гипотезу: если в СССР существовало сложившееся политологическое сообщество, оно должно было проявить себя через написание пособий, как только внешняя ситуация стала более благоприятной. Логично также ожидать появления первых украинских учебников по политологии в столице республики – Киеве: именно там располагалось отделение САП(Г)Н и находилось, вероятно, большинство его членов. Однако ничего этого не произошло. Мой личный опыт обучения на политологическом отделении Днепропетровского государственного университета в середине 1990-х гг. свидетельствует, что чаще всего – из отечественных пособий – мы обращались к харьковским и львовским, но не киевским.¹³ Киевские учебники появились позже и, по общему

¹² Можно предположить нерелевантность вопроса об “объективности” этой заявки на преемственность: если современные украинские политологи видят себя продолжателями некой традиции, то уже не важно, существует она “в действительности” или только в их воображении. Однако я считаю, что в данном случае речь идет о малообязывающей декларации, поскольку причудливо сконструированная генеалогия не находит никаких практических проявлений в повседневной исследовательской практике самих респондентов.

¹³ Харьковский и львовские респонденты причины больших успехов своих периферийных научных центров на ранних этапах институционализации дисциплины видят в непосредственной близости к зарубежным научным школам (в первую

мнению, уступали в качестве прочим, особенно харьковским. Конечно, единичное свидетельство автора, принадлежащего к одной из первых когорт “потребителей” учебных пособий, не может быть весомым аргументом. Потому важно свидетельство главного редактора одного из первых учебников, вышедшего во Львове в 1991 г. в специфической интеллектуальной атмосфере:

Это ж было в 91-м году, мы издали уже тогда “Основы политологии” в двух частях маленьким ротапринтом... В 92-м году вуз [Киево-Могилянская Академия] без нашего разрешения, без нашего ведома взял и переиздал... Я же говорю, например, первое издание этой книги мы издали на ротапринте. Через два месяца в издательстве: “Слушай, может, мы переиздадим?”. Через год переиздали – это был “коммерческий” тираж... то есть свыше 1000 и даже больше (ЛМК(ф)–1).

Технологические, коммерческие и правовые обстоятельства издания свидетельствуют о неподготовленности Академии к задачам

очередь, в Польше), в наличии критической массы молодых и пытливых студентов и аспирантов, бурлящей политической жизни, ставящей новые вопросы и требующей ответов, а также в отсутствии цензуры и диктата, свойственных столице. Эта гипотеза фальсифицируется случаем Крыма, периферийность которого не привела в 1990-е годы к созданию влиятельных учебных пособий, формирующих целостную перспективу дисциплины и ее объекта изучения. Тогда дополнительное объяснение стоит искать в личности авторов или инициаторов написания учебников, играющих особую роль в период становления новых дисциплин. Сергей Жук показал значение этой роли на примере становления американистики в СССР, производительность региональных центров которой “в значительной мере... зависела от индивидуальных усилий и энтузиазма формальных и неформальных лидеров этих центров” (С. Жук. Между Москвой и Западом: американистика в Советском Союзе во время позднего социализма, 1956–1991 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 265). В Харькове и Львове такими инициаторами были опытные (и харизматичные, судя по воспоминаниям респондентов) заведующие кафедрами научного коммунизма, с их организаторскими качествами и умением чувствовать “требование момента” (реже – те, кто уже имел опыт преподавания политологии в Польше). В Симферополе кафедру возглавлял математик по образованию и философ по специализации, до того мало соприкасавшийся с политологическими вопросами. Смена руководства в 2000-х гг. привела к формированию политологической школы, сфокусированной на геополитической проблематике, более характерной для региона. Так, только в Крыму студенты-политологи проявляли сильнейший интерес к Бжезинскому, Хантингтону, Киссинджеру, Паршеву, Уткину и Капхену: В. Осин, А. Зеленски, С. Шуляк. Власть и знание на постсоветском пространстве: политический режим, научная степень, идеология и карьера в Украине и Молдове. Вильнюс, 2014. С. 237-245.

дисциплинарного строительства. Определенная скандальность этой истории также иллюстрирует несоответствие формальной структуры академической власти и распределения ресурсов реальной динамике становления профессии. В случае существования преемственности с некой ранней научной традицией, учебники по политологии должны были базироваться, в первую очередь, на работах украинских и советских ученых, чье понимание “советского общества” могло компенсировать слабое знакомство с новейшими западными теориями. Однако в ответ на вопрос об источниках идей уже цитировавшийся редактор категорично заявил:

Какие здесь идеи? Здесь компиляция, Вы понимаете, западных источников, переводов (ЛМК(ф)–1).

Отсутствие реальной концептуальной преемственности современной политологии с советским обществоведением является дополнительным аргументом и против реальности их формальной институциональной связи. Приписывание “научному коммунизму” статуса “почти политологии” в СССР является, с моей точки зрения, анахронизмом. Единственным основанием для этого тезиса является тот факт, что значительная часть новых кафедр политологии образовывалась на основе старых кафедр научного коммунизма. Однако эта специальность была не в состоянии обеспечить “воспроизводства кадров”, не говоря уже об их профессиональной подготовке.¹⁴ На самом деле это была редкая, едва ли не камерная специальность, на которую студентов набирали в считанных вузах. В УССР, набор проводился только при философском факультете Киевского государственного университета (КГУ).¹⁵

¹⁴ Марина Шаповаленко в числе многих указывает на то, что в силу кадрового состава первых политологических кафедр “учебные курсы во многом напоминали знакомые идеологизированные тексты” (М. Шаповаленко. Украинская политология: трудности становления // Политическая наука. Политология в постсоветских государствах: Сб. науч. тр. Москва, 2004. С. 231). Александр Старыш, подводя итоги первых двух десятилетий политической науки в Украине, отмечает, что перехода количества (институтов и кафедр, учебных курсов, монографий) в хорошее качество (специалистов, исследований) не произошло. Он объясняет это тремя основными причинами: дефицитом теоретико-методологического инструментария, ментальной неспособностью и идеологизацией политической науки (О. Старіш. Політична наука в Україні: 20 років незалежності // Критика. 2012. № 9-10. <http://bit.ly/20pKBFA>). Схожие замечания можно встретить во множестве других работ по истории политической науки в Украине.

¹⁵ См. Справочник для поступающих в высшие учебные заведения СССР в 1990 г. Москва, 1990. С. 143.

Проведенные интервью политологов показывают, что ни один из респондентов не учился на специальности “научный коммунизм” (и только один обучался на “истории КПСС”). Правда, многие из них в качестве своего места работы в период перестройки указывали кафедру научного коммунизма, но никто из них не связывал ее с выбором специальности и последующим выбором профессии¹⁶ и не считал “исконных” преподавателей научного коммунизма настоящими политологами.¹⁷

Очевидны региональные различия в системе рекрутирования на советские кафедры научного коммунизма, имевшие аспирантуру (во Львове и Харькове). Во Львове кафедру возглавляла выпускница философского факультета КГУ Галина Веремева; соответственно, в аспирантуру поступали, как правило, выпускники отделения научного коммунизма КГУ. Среди остальных были выпускники исторических факультетов и журналистики, а также ВПШ. В Харькове основателем кафедры научного коммунизма был Николай Сазонов, по образованию политэкономист – и большинство аспирантов, зачисленных на кафедру в 1970–1980-е гг., были выпускниками вузов по этой специальности.¹⁸ По словам представителя местной традиции, “харьковская политология вообще вся выросла из ‘политической экономии’ [Николай Сазонов, Александр Фисун, Татьяна Журженко, Вадим Карасев]” (ХМД(п)–1). В тех университетах, где специальности “научный коммунизм” не было, наблюдалась монополия историков на политологическое знание, как то произошло в Крыму:

¹⁶ Этот вывод, безусловно, носит предварительный характер в силу ограниченной выборки респондентов. Более масштабные измерения постсоветской Академии должны выявить точный процент представителей профессорско-преподавательского состава в современной Украине, окончивших вуз по специальности “научный коммунизм”. Это, в свою очередь, в дальнейшем должно помочь понять, в какой степени дискурсивные стратегии данной научной области стали частью политологического пространства 1990-х гг. и более позднего времени.

¹⁷ Один из симферопольских респондентов с иронией охарактеризовал практическую экспертизу представителей “научного коммунизма” в сфере политики, которую они изучали и преподавали: “Когда партии необходимо было точно узнать, что делать, какую политику проводить на Ближнем Востоке, например, или в отношении Соединенных Штатов, нужны были какой-то анализ, рекомендации и, безусловно, все это присутствовало. Тогда же не обращались к преподавателям научного коммунизма, а обращались к практикам” (СМД(ф)–1).

¹⁸ Обычно на специальность “научный коммунизм” поступали с партийным и рабочим стажем, военно-политическим образованием, в виде исключения допускали золотых медалистов.

По крайней мере, в Крыму не было ни политологической, ни какой-то там социологической системы подготовки. Не скажу, что только из историков [рекрутировались кадры], но историки имели здесь определенное, как бы стартовое даже, преимущество (СМК(и)-1).¹⁹

Подводя итоги рассмотрения институциональных предпосылок генезиса политологии в Украине, необходимо отметить несколько пунктов. Во-первых, никто из респондентов, которые в конце 1980-х гг. были молодыми преподавателями и аспирантами, профессионально не взаимодействовал с советскими политологами, которые, если и существовали, то лишь в Москве.²⁰ Они не оказали влияния на генезис дисциплины, как не оказала этого влияния и САП(Г)Н, суть которой молдавский респондент охарактеризовал так: “Это был просто ответ для международного пользования” (КМД(п)-3).²¹

Во-вторых, с формальной точки зрения, политология является “номинальной” дисциплиной в том смысле, что ее становление прошло через основные этапы развития любой дисциплины, только в обратном порядке: сначала появились формальные нормативные акты, документирующие статус новой науки,²² затем начал подбираться кадровый состав “политологов”, а уже потом сформировалось исследовательское поле новой науки.

¹⁹ В Молдове сложилась похожая ситуация: “В советское время носителем бренда ‘общественные науки’ был исторический факультет. В нашей небольшой республике в советское время развивались история, право, экономика. Также педагогические науки. Те молодые люди, которые хотели заниматься развитием общества, находили свою дорогу только на историческом факультете. Экономика была в большей степени прикладной, и право было тоже прикладным” (КМД(п)-3).

²⁰ Даже те, кто лично знал столичных “политологов”, считали, что это “были люди со ‘странными биографиями’, которых политическая наука интересовала еще и как альтернатива”. Воробьев. Политология в СССР. С. 177.

²¹ Респондентка из Харькова об этой организации высказалась так: “И у нас даже была создана Советская ассоциация политических наук, если вы знаете, в 1962 году она существовала, она была, действовала. Правда, она была немногочисленной, мало о ней кто знал, тогда я не знала о ней, естественно” (ХЖД(п)-1).

²² Все началось с изданного в 1987 г. Президиумом АН СССР предписания “Институту государства и права расширить исследования по философии политики”. Год спустя (4 ноября 1988 г.) последовало постановление Государственного комитета по науке и технике СССР, в соответствии с которым “в номенклатуру научных работников были внесены следующие специальности: 23.00.01 – ‘теория и история политической науки’...”. И уже 25 января 1989 г. приказом ВАК при Совете Министров СССР “новая номенклатура была принята к руководству всеми органами аттестации научных и научно-педагогических кадров”. См. Воробьев. Политология в СССР. С. 177.

Таким образом, советское наследие в процессе институционализации политологии в Украине не может быть описано в терминах воспроизводства научных тем, персональных сетей и трансляции научных областей.²³ На роль наследия, в отсутствие эффективных стандартов профессионализации, претендуют скорее внешние факторы, косвенно связанные с собственно научным процессом. Советские общественные науки дифференцировались по дисциплинам не столько в соответствии с абстрактной онтологией сфер изучения (социальная, политическая...), сколько в силу политической прагматики и идеологии. В результате, власть признавала легитимным лишь то знание, которое считалось важным для конкретного политического момента. Так возникали дисциплины для “внутреннего использования”, развитие которых минимально определялось внутренними дисциплинарными импульсами, а больше подчинялось внешним директивам и требованиям момента.²⁴

Эта зависимость от политической конъюнктуры и отсутствие альтернативных источников финансирования (частных научных фондов²⁵) предопределили корпоративный характер советской Академии и централизацию процесса принятия решений на структурном уровне. Повседневная исследовательская практика ориентировалась на фактологичность и сознательный отказ от аналитической составляющей, что позволяло минимизировать вероятность конфликта с официальной идеологией. При этом осознание контраста даже такого самоцензурированного обществоведения с зашоренностью еще более конъюнктурных дисциплин (в частности, истории КПСС), становилось источником

²³ Даже назначение президента САП(Г)Н Георгия Шахназарова помощником Генерального секретаря ЦК КПСС в 1988 г. не может быть признано надежным свидетельством влияния “советской политологии” на процесс возникновения постсоветской – в частности, потому, что в этот период институционализировались и несколько других социальных дисциплин, не имевших подобного лобби.

²⁴ Можно предположить, что политология в СССР *могла* образоваться не столько для изучения политической сферы, сколько для изучения вероятных противников. В таком случае ее функцию выполняла, в том числе, американистика, – зеркальный аналог советологии в США. Как показал Сергей Жук, ее институционализация проходила под непосредственным патронатом выходца из КГБ Григория Севостьянова и тесно связанного с Юрием Андроповым Георгия Арбатова: Жук. Между Москвой и Западом. С. 263.

²⁵ Об определяющей роли в развитии социальных наук внеуниверситетской поддержки от “патронов” – федеральных (пропагандистские, военные, разведывательные и иные агентства) и частных (фонды, основанные на деньги Карнеги, Рокфеллера, Форда и пр.), см.: Mark Solovey. *Shaky Foundations: The Politics-Patronage-Social Science Nexus in Cold War America*. New Brunswick, 2013.

высокой самооценки.²⁶ Все это привело к складыванию иерархической модели отношений в академической сфере, при которой источником символической власти ученых оказывалась внеакадемическая политическая власть. Скорее, именно эта модель взаимоотношений была воспроизведена в постсоветской политологии благодаря сохранению практически всех ее структурных предпосылок. Корпоративная суть академического сообщества принципиально не изменилась, равно как и эпистемологические рамки исследований в области социальных наук.²⁷ В условиях катастрофического снижения материального благополучия и потери социального статуса научных работников, академическая сфера приобрела даже полумафиозный характер, как показывает вскрытие клановой системы черного рынка диссертаций сообществом “Диссернет”. При этом мало что изменилось в лучшую сторону в плане появления возможностей частного финансирования науки или вовлечения ученых в решение социально-политических проблем, а также диверсификации центров влияния внутри большинства постсоветских режимов и ликвидации их неопатримониального характера. В итоге сложилась парадоксальная ситуация, когда в современной системе “власти – знания” наука, изучающая власть, оказалась принципиально лишенной собственного потенциала прямой или символической власти.²⁸

²⁶ Жук. Между Москвой и Западом. С. 269-271.

²⁷ Об атеоретическом, нормативном, описательном, неэмпирическом характере современной украинской политологии и обусловленности этих черт советским прошлым пишут многие: О. Shevel. *Ukrainian Political Science and the Study of Ukraine within American Political Science: How Similar, How Different?* // *Journal of Ukrainian Politics and Society*. 2015. No. 1. Pp. 23-26; С. Куделя. Чи можлива в Україні політична наука? // *Критика*. 2012. № 1-2. С. 171-172; Ю. Мацієвський. Чому в нас немає політичної науки // *Критика*. 2012. № 6 (176). С. 10-12; Ю. Мацієвський. Між функціоналізмом та нормативізмом: академічна політологія в Україні на початку XXI ст. <http://eprints.oa.edu.ua/110/1/normatism.pdf>; А. Умланд. Исследования современных украинских ультранационалистических партий – с чистого листа: четыре причины недостаточного изучения постсоветских правоэкстремистских движений в Украине // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2013. №1. С. 13-16.

²⁸ Илья Герасимов обратил мое внимание на этот парадокс. В то же время, Богдан Гаврилишин, один из экономических советников Леонида Кравчука, Виктора Ющенко и Виктора Януковича, указал на дисфункциональность самой системы взаимной трансформации власти и знания в современной Украине, так охарактеризовав свой опыт конвертации научной экспертизы в политическое влияние: “Это была бесполезная трата времени. У них было мало накопленных знаний, чтобы им что-то можно было советовать”. Богдан Гаврилишин: Бути радником президента – марна трата часу: <http://bit.ly/1QWVcFz>.

Сюжет первый. Академическая мотивация политологов: от предчувствия перемен во время перестройки до эскапизма и умолчания в период становления и укрепления неопатримониализма в Украине

Генезис политической науки на постсоветском пространстве – это, по сути, проблема мотивов выбора новой интеллектуальной идентичности. Эта проблема хорошо изучена на американском материале. Для ее концептуализации используется несколько основных понятий, за каждым из которых – своя исследовательская традиция. Среди наиболее влиятельных – концепция “*homo cognoscens*” (профессия привлекает людей с определенным складом ума, предрасположенных к решению когнитивных головоломок политической науки);²⁹ идея “призвания” (основанная на веберовской концепции *Beruf*);³⁰ объяснение через “идеологически” мотивированный выбор.³¹ Анализ рекрутирования кадров

²⁹ См.: James F. Voss, Christopher R. Wolfe, Jeanette A. Lawrence, Randi Engle. From Representation to Decision: An Analysis of Problem Solving in International Relations // Robert J. Sternberg, Peter A. Frensch (Eds.). *Complex Problem Solving: Principles and Mechanism*. Hillsdale, NJ, 2014. Pp. 119-158; Ken J. Gilhooly. *Thinking: Directed, Undirected and Creative*. San Diego, 1996. Pp. 79-104. О специфике политических проблем см.: John S. Dryzek. *The Progress of Political Science* // *Journal of Politics*. 1986. Vol. 48. No. 2. Pp. 301-320; Robert A. Dahl. *Complexity, Change, and Contingency* // Ian Shapiro, Rogers M. Smith, Tarek E. Masoud (Eds.). *Problems and Methods in the Study of Politics*. New York, 2004. Pp. 377-381.

³⁰ Использование категории “призвания” позволяет исследователям, скорее, оценить значение выбора индивидов, но не объяснить его. См.: Robert O. Keohane. *Political Science as a Vocation* // *PS: Political Science & Politics*. 2009. Vol. 42. No. 2. Pp. 359-363; Anne Norton. *Political Science as a Vocation* // Shapiro, Smith, Masoud (Eds.). *Problems and Methods*. Pp. 67-82; Ш. Уолин. *Политическая теория как призвание* // *Политическая теория в XX веке*. Москва, 2008. С. 277-322.

³¹ В этом случае профессиональный критический анализ политической сферы воспринимается как логическое продолжение личной критической политической позиции. При этом некоторые политологи ставят знак равенства между демократией (как необходимой предпосылкой развития политологии) и либерализмом (как идеологической основой критического анализа социальной реальности): Everett C. Ladd, Seymour M. Lipset. *The Politics of American Political Scientists* // *PS: Political Science*. 1971. Vol. 4. No. 2. Pp. 135-144; Henry A. Turner, Carl C. Hetrick. *Political Activities and Party Affiliations of American Political Scientists* // *Political Research Quarterly*. 1972. Vol. 25. No. 3. Pp. 361-374; Vanessa Ruget. *Scientific Capital in American Political Science: Who Possesses What, When and How?* // *New Political Science*. 2002. Vol. 24. No. 3. Pp. 469-478. Достаточно провокационным выводом в этой логике становится предположение об обусловленности политического консерватизма низкими интеллектуальными способностями придерживающихся его людей: Lazar Stankov.

в укоренившуюся дисциплину, вроде американской политологии, не очень подходит для объяснения постсоветского выбора идентичности в условиях отсутствия методологической или институциональной преемственности и радикально отличающегося политического контекста. Поэтому применительно к Украине моя гипотеза заключается в том, что первоначальная мотивация украинских политологов, выбиравших специальность и профессию в период перестройки, трансформировалась под воздействием политического режима. Проведенные интервью позволяют говорить о трех основных тенденциях, связывающих мотивацию, внешний контекст и институционализацию дисциплины.

Первая тенденция связана с пластичностью исходных стимулов и способов их реализации в период перестройки. На самом деле, мотивы профессионального выбора (а во многих случаях – еще и выбора специальности) весьма разнообразны, от заинтригованности названием дисциплины до интереса к научным исследованиям. Общим, однако, выступает стремление понять окружающую (в том числе, политическую) действительность, мечта изменить что-то в мире, пусть и в очень отдаленной перспективе, желание освободиться от статуса объекта манипуляций, приносящие, в итоге, удовлетворение.

Именно в период перестройки ощущение возможности изменений проявляется весьма явственно – хотя и не у всех респондентов, в полном соответствии с наблюдениями других кейсов постсоветского пространства.³² Львовский респондент повторил в этой связи известную фразу: “Будем, скажем так, афористичными: намордник сняли, но миску отодвинули” (ЛМК(ф)–1). Это ощущение, в частности, воплоти-

Conservatism and Cognitive Ability // *Intelligence*. 2009. Vol. 37. Pp. 294-304; John T. Jost, Jack Glaser, Arie W. Kruglanski, Frank J. Sulloway. Political Conservatism as Motivated Social Cognition // *Psychological Bulletin*. 2003. Vol. 129. No. 3. Pp. 339-375; Markus Kemmelmeier, Cherry Danielson, Jay Basten. What's in a Grade? Academic Success and Political Orientation // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. No. 10. Pp. 1386-1399; John Cloud. Study: Are Liberals Smarter Than Conservatives? // *Time*. 2010. Feb. 26, <http://ti.me/1e0QPsh>.

³² Распространено мнение о том, что перестройка и крах СССР вызвали необычайный всплеск энергии и энтузиазма у постсоветских ученых: Sarah Amsler. *The Politics of Knowledge in Central Asia. Science between Marx and the Market*. New York, 2007. P. 5. Однако проведенные интервью показывают, что все не так однозначно. Признавая катастрофическое ухудшение уровня жизни в конце 1980-х гг., “теоретики” Львова и Харькова отмечали параллельное расширение интеллектуального горизонта. “Практики” из тех же регионов тоже вспоминают о непростых условиях жизни, но при этом делают больший акцент на расширении политических возможностей в этот период, упоминая когнитивную свободу в качестве второстепенного фактора.

лось в представлении “практиков” о характере институционализации украинской политологии – они склонны рассматривать “акт творения” постсоветской политологии как легитимацию “сверху” стихийного движения политологов “снизу”, которое начало складываться лишь в период перестройки.³³ Другими словами, для этой группы политологов на самом деле только перестройка открывает историю их научной области. Включенность в политические процессы того времени способствовала тому, что персональное интеллектуальное формирование шло параллельно с быстро меняющимися структурными условиями. Это был двусторонний процесс, когда запрос со стороны политического руководства совпадал с желанием научной общественности (аспирантов, преподавателей) понять суть происходящего, а исследовательская инициатива последних не наталкивалась на сопротивление со стороны “власти”:

То есть, можно говорить о какой-то инициативе сверху. Но сообщество формировалось совершенно параллельно, в какой-то степени не всегда даже пересекаясь вот с этим процессом... Это был такой достаточно самостоятельный процесс, связанный с тем, что появился спрос, появились средства массовой информации в большем количестве, которым необходимы были экспертные заключения... Появилась власть, которая время от времени привлекала для какой-то аналитической работы экспертов. Собственно говоря, они черпались из разных сфер, и можно считать, что вот в таком как бы взаимодействии это все и происходило (СМК(и)–1).

Заметны региональные отличия этого динамического процесса. Так, во Львове и Крыму, насколько можно судить, интенсивность политической жизни была выше, чем в Харькове (хотя и в силу разных причин). Для симферопольских политологов важнейшим фактором профессиональной мобилизации стало “само положение Крымского полуострова” и связанные с этим процессы “автономизации”, в то время как для львовских политологов речь шла о несколько ином формате политической социализации:

У меня были и дискуссионные клубы, в которых я активно участвовал. И они были достаточно радикальными. Во Львове

³³ “Теоретики”, впрочем, склонны рассматривать становление постсоветской украинской политологии как институциональную новацию “верхов”, не вызвавшую особого сопротивления “низов”. Сразу необходимо отметить условность деления научной сферы на “верхи” и “низы”, как в советский период, так и в процессе институционализации современной политологии – в этом отдают себе отчет и респонденты, и интервьюер.

создавалось движение “Общество украинского языка”, что также побуждало к дискуссиям. Во Львове работала Хельсинская группа, издававшая “Вестник”, что также постоянно вело к многочисленным дискуссиям. Этот момент был очень важен (ЛМД(п)–2).

Роднил же ситуацию во Львове и Харькове фактор “советского наследия”: участие обществоведов в демократической платформе КПСС:

Я был одним из тех, кто являлся достаточно активным участником этой демократической платформы, благодаря демократической платформе потом начал “политически социализироваться”, а позже из демплатформы появилась партия “Демократического возрождения Украины”. Я был здесь на Львовщине длительное время председателем областной ячейки этой партии (ЛМК(п)–1).

У нас как бы получилось так, что много преподавателей, которые в демплатформе, были в КПСС. И они были, что называется, творцами истории. Это же не просто голые, там, книжные преподаватели, а они реально были в этом политическом процессе. Поэтому мы как бы были тоже в каком-то виде включены в него... Все время там какие-то конференции, круглые столы, ходили на заседания этих партклубов, политклубов. То есть такие активные были (ХМД(п)–2).

Трансформация обществоведения в период перестройки характеризовалась не только вариативностью мотивов выбора профессии, базирующейся на уверенности в скорых изменениях, но и стремлением трансформировать академическую сферу. Отчетливо это проявлялось в случае “новичков”, приход которых в политическую науку напрямую никак не предопределялся их прежней специализацией. Их реакция на радикальную общественную трансформацию предполагала, прежде всего, попытку изменить способ осмысления реальности средствами политической науки. Прежняя научная область выступала основанием и одновременно образцом экспансии, что могло приводить к прямо противоположным результатам. В моей выборке можно говорить о двух дисциплинах, выступивших площадками для экспансии “новичков”: философии и математике. Их аналитический язык и методология позволяли наполнить абсолютно новую научную область политологии парадигмальным смыслом – в рамках сложившегося на тот момент дисциплинарного разделения труда. В том случае, когда отправным пунктом была философия, акцент делался на изучении онтологии “политического”, преодолевающей узкую предметную специализацию внутри обществоведения. В этом и видел свое предназначение один из “новичков-теоретиков”:

Потому что тогда может быть, [если есть] “псефология” – наука о выборах, “стулология” – вот на какой объект глянул, тот и будет “логией”. В политологии эта глупость, “глупая геометрическая прогрессия” развивается. Благодаря этому – вот есть одна наука, в ней есть внутренние направления. Но если к ней добавлять “кратология”, “псефология”, “партология”, тогда дурной тон задается самой науке начальной, которая называется политологией. Мне всегда хотелось сформировать в себе понимание – не для кого-то там, тех методологических основ, на которые опирается политическая наука. А методологическая основа – это, в первую очередь, формулировка науки через законы, принципы – это основное. То есть, предметность всякой науки – это законы, принципы, а не объектная данность, не реальность... Я именно такую тему выбрал из-за того, что там начиналось все то формирование, именно основа или научный смысл этой научной системы знания. Именно как науки (ЛМД(п)–1).

“Новичок-практик”, переживший конфликт в Нагорном Карабахе, также полагал необходимым реформировать украинскую политологию. Будучи математиком по специальности, он полагал, что квантификация – ключ к успеху всего предприятия:

Вы знаете, мне просто было интересно участвовать в формировании политической науки как науки. Мы занимались политологией, и все бывшие научные коммунисты, историки партии активно переквалифицировались в политологи. Значит, они несли на себе этот груз схоластики. Задача заключалась, когда я пришел на кафедру, в том, чтобы внести ясность и строгость. Вот здесь мое математическое образование очень помогало, потому что между политологией и математикой была колоссальная разница. С одной стороны, четкие формулировки и доказательства, а с другой стороны, общие рассуждения о политике... И я горд тем, что мои коллеги меня поддерживали... И не случайно мы издали, я думаю, первый на Украине учебник по методам исследования политической науки (СМД(ф)–1).

Следующие две тенденции касаются трансформации мотивации политологов при неопатримониальном режиме, рассматриваемой с точки зрения общих и отличных черт респондентов. Так, вторая тенденция отсылает к различиям между усилиями, которые предпринимали “теоретики” и “практики” ради обеспечения самой возможности профессионального занятия политической наукой в наиболее сложный период (1990-е и начало 2000-х гг.). Для “теоретиков” внешние обстоя-

тельности (поддержка семьи, наличие позитивного примера для подражания, доступ к библиотеке и т. п.) играют роль катализатора для проявления присущих им интересов, но в целом они скорее стремятся сами организовывать обстоятельства, способствующие работе (например, выигрывая зарубежные стажировки, гранты). Они готовы пойти на жертвы (распродажа части имущества, долгое принятие помощи родителей, близких и т. п.) ради занятия интересующим их делом. У “практиков” же скорее внешние обстоятельства играют определяющую роль, формируя и “призвание”, и интересы (ретроспективно причина и следствие могут меняться местами в автобиографической риторике). В отличие от “теоретиков”, “практики” готовы пойти на меньшие затраты для удовлетворения имеющихся у них склонностей и готовы отказаться от выбранного пути, если цена оказывается более высокой, чем ожидаемые выгоды. Занятие политической наукой важно для них не само по себе, а как побочный продукт основной деятельности в политической сфере. Политическая практика обогащает их преподавательский опыт, но проведение исследований не добавляет ничего существенного или принципиально нового к уже имеющимся знаниям и навыкам. Наука как таковая часто ассоциируется с написанием диссертаций, которые есть не что иное, как попытка легитимировать их практику в более широком академическом контексте.³⁴

Третьей тенденцией является общая трансформация стремления респондентов изучать политику и, соответственно, влиять на нее при специфическом политическом режиме. Речь идет о стратегиях адаптации в условиях, когда влияние на политику со стороны Академии условно, а воздействие политической сферы на науку – самое непосредственное. Примечательными стратегиями политологов в ответ на вмешательство политики в научный процесс являются *эскапизм* и тесно связанное с ним *умолчание*. Эскапизм становится результатом бессилия политологов влиять на политику (респондент признается в этом в ответ на вопрос о том, прислушиваются ли украинские политики к политологам). Политтехнологов во время избирательной кампании слушают,³⁵ а политологов

³⁴ Более подробно этот аспект анализируется в: Осин, Зеленски, Шуляк. Власть и знание. С. 149-227.

³⁵ Да и то с определенными оговорками, касающимися самых конкретных рекомендаций: “По-моему, вообще не прислушиваются. Тут в данном случае можно говорить о политтехнологах: они прислушиваются к своим политтехнологам. Но это опять же технологии для того, чтобы прийти во власть, а по-моему, очень большой разрыв происходит сегодня между политологами и политиками” (СЖД(г/у)–1).

как таковых – нет.³⁶ По мнению крымского доцента, отношения между политологами и политиками можно описать так:

Да, чаще всего, как говорил один политический деятель...: “Да мы там придумаем, а вы, головастики, потом должны все это там оформить” (СМК(и)–1).

Это симптоматичное признание, показывающее, сколь отличаются представления периода перестройки о возможностях исследователей влиять на политику от нынешних признаний в профессиональной не востребованности. Мотивационно-когнитивный диссонанс усиливается также высокой степенью разочарования в украинской политике и политиках у всех “теоретиков” и значительной доли “практиков”. Разрешение или смягчение противоречия между реальностью и идеалами достигается при помощи ряда приемов. Радикальным (в рамках данной выборки) и наименее часто встречающимся приемом выступает апатия, неприкрытый цинизм и пессимизм в оценках своего будущего в профессии и перспектив ее развития. Но наиболее распространенный прием – фиксация не на всей профессии в целом, а на тех ее аспектах, в которых удастся достигнуть удовлетворительных результатов (в качестве преподавателя, консультанта, ученого, востребованного на Западе). Другими словами, на смену первоначальной мотивации по изучению или изменению всей политической сферы приходит фиксация на частных аспектах профессии, не меняющих ее социальный статус. Тем самым компрометируются те идеалы и ожидания, которые обусловили выбор профессии в конце перестройки и начале независимости. Этот эскапизм сильно отличается, к примеру, от эскапизма американских политологов в период маккартизма, в качестве компенсаторной реакции обратившихся к разработке новых теорий и методов.³⁷ В Украине же

“Если политологи выступают в качестве экспертов и, собственно, включены в штаб... естественно, что их советы очень ценны для данных кандидатов. Особенно это касается локального, регионального масштаба” (ЛЖК(п)–1).

³⁶ “Я могу сказать, я понял, что наши – они никому не нужны. А то для профформы. Если даже ты что-то и даешь – ‘мнение своё’ – если стопроцентно ‘совпадает’ с субъектом, тогда только и воспринимается. А если нет, тебя просто больше не приглашают” (ЛМК(ф)–1). Или: “...Когда аналитические записки оказывались на столе у Крючкова... он говорил: ‘Аналитики, что паралитики’... Ну а будет так, как будет” (ХЖД(п)–4).

³⁷ Дэвид Истон связал рост интереса к теоретическим и методологическим вопросам в этот период с маккартизмом: “Маккартизм не имел никакого отношения к возникновению бихевиоризма как нового подхода к исследованию политики. Он был лишь одним из обстоятельств, загнавших в подполье интерес к социальным

периода 1990-х – начала 2000-х гг., в силу изначальной зависимости Академии от политического режима, вполне понятная фрустрация по этому поводу приводила не к стимулированию научной деятельности, а к депрофессионализации дисциплины. Лишенная академической автономии, политология реагировала на неблагоприятную политическую конъюнктуру не мобилизацией внутренних ресурсов, а капитуляцией перед ощущением собственного бессилия, имеющей много общего с механизмом психологического вытеснения.

Вторая стратегия проявляется в отношении к неопатримониальной науке и отражает трансформацию мотивации в ситуации прямого вмешательства политики в Академию.³⁸ Эта тема болезненно воспринимается политологами: все респонденты полагали, что получение научных степеней чиновниками, политиками и бизнесменами – серьезная и масштабная проблема, компрометирующая не только внешнюю репутацию, но и стандарты профессии.³⁹ Однако по своей инициативе заговорил об этом (отвечая на вопрос о негативных чертах украинской политологии) только один респондент:

Очень много тех, кого я знаю, начали занимать определенные должности. И смотришь – он уже кандидат, еще немного – и уже доктор, а кое-кто уже и академик. Вы понимаете? Разве ж так можно? Но, к сожалению, как только он занял должность, находит пару “негров”, что-то они там создают... (ЛМК(ф)–1).

Большинство выбирает стратегию умолчания, когда исследователи одновременно и признают масштабы феномена неопатримониальной

преобразованиям”. Д. Истон. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология. Москва, 1997. С. 16.

³⁸ В. Осин. Академия и политический режим: неопатримониальная наука в Украине (и Молдове) // *Ab Imperio*. 2014. №3. С. 295-360.

³⁹ В частности, в восприятии респондентов от двух третей до четырех пятых всех защищенных диссертаций по специальности приходились на долю чиновников. “И это все науку дискредитирует, по сути, понимаете? Когда мы видим, что у нас каждый год защищается огромное количество политологов, кандидатов и докторов политических наук, а на деле-то кандидатами и докторами из них является, дай Бог там, процентов 30-40, а остальные, в общем-то, и никогда наукой заниматься не будут. В лучшем случае, запомнят название своей диссертации, не говоря уже ни о чем другом. Вот это проблема, серьезная!” (СЖК(и)–1). “На мой взгляд, это связано с неправильными вещами... Если я не ошибаюсь, у нас 120 тысяч в Украине, 120 тысяч кандидатов и докторов наук, из них только 20-25 тысяч, это грубая калькуляция, работает в сфере высшего образования или в той отрасли, в которой функциональные все эти знания, то есть в остальном – это чиновники, бизнесмены” (СМД(п)–1).

науки, и игнорируют ее присутствие конкретно в своей повседневной профессиональной деятельности.⁴⁰ Особенности формирования экспертной выборки нивелируют возможное объяснение проявленной респондентами самоцензуры прямым участием в системе неопатримониальной науки и боязнью санкций. Скорее, мы имеем дело с рациональным выбором стратегии умолчания, обусловленным спецификой отношений власти и знания в постсоветской Академии. Я полагаю, что поскольку одним из “коллективных благ”⁴¹ политической науки является ее репутация (в соответствии с характеристикой Ричардом Уайтли современных дисциплин как “репутационных организаций”),⁴² то отказ обсуждать и, следовательно, каким-либо образом противостоять неопатримониальной науке есть защита своей респектабельности – вопреки осознаваемой губительности этой практики для профессии. Респонденты действуют в строгом соответствии с парадоксом группового поведения Мансура Олсона:

Большие группы *не* будут действовать в своих групповых интересах, по крайней мере, в том случае, когда они состоят из рациональных индивидуумов.... большие группы... поддерживаются не из-за коллективных благ, которые они предоставляют, но, скорее, потому, что им посчастливилось обнаружить то, что я назвал *избирательными стимулами*... которые применяются к

⁴⁰ На практике, одним приемом игнорирования проблемы служит ее систематическая маргинализация, буквальное вытеснение на периферию академического дискурса (в сноски). Так поступает Марина Кармазина, предлагая объяснение резкого всплеска количества защищаемых диссертаций по политическим наукам в 2004-2006 гг. – не от своего лица и лишь в концевой сноске (М. Кармазина. *Політична наука в Україні: дисертаційний аспект // Політичний менеджмент. 2008. № 3. С. 26*). Другим приемом служит демонстративная тривиализация, низведение проблемы до заурядной, упоминаемой в обширном ряду других проблем. Так Сергей Рябов упоминает феномен заказных диссертаций и получения научных степеней чиновниками не как отдельную проблему, а лишь частный эпизод при рассмотрении институционального развития украинской политологии (С. Г. Рябов. *Політична наука в Україні XXI століття: стан та перспективи розвитку. Київ, 2005. С. 44*).

⁴¹ См. формулировку Мансура Олсона: “...любой товар или услуга, которые удовлетворяют следующему требованию: если их потребляет любой индивид X_i из группы $X_1, \dots, X_i, \dots, X_n$, то их могут потреблять и все остальные члены группы. Другими словами, те, кто не покупают или не платят за это общественное благо, не могут быть исключены из его потребления” (Мансур Олсон. *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. Москва, 1995. С. 12-13*).

⁴² Richard Whitley. *The Intellectual and Social Organization of the Sciences. 2nd edition. New York, 2000.*

индивидуумам избирательно, в зависимости от того, вносят они вклад в обеспечение коллективным благом или нет. ... [Г]руппы, имеющие доступы к избирательным стимулам, будут действовать совместно для получения коллективных благ с большей вероятностью, чем те группы, которым такие стимулы не доступны.⁴³

То есть коллективное благо (в виде репутации) не может быть создано теми, кто не в состоянии обеспечить негативные избирательные стимулы в форме санкций или наказаний. Соответственно, политологи, открыто противопоставляющие себя неопатримониальной науке, заведомо оказываются в проигрыше, в то время как непосредственные акторы неопатримониальной науки, организованные в кланы и легко добивающиеся исключения из них “провинившихся”, оказываются в выигрыше. То же самое касается и положительных избирательных стимулов (вознаграждений, публикаций и всех частных благ, доступных только для членов соответствующих групп). Акторам неопатримониальной науки проще добиться общественного блага (но вряд ли репутации), действуя сообща, чем тем, кто находится вне этого сектора постсоветской академии. Успех ученых, категорически не принимающих неопатримониальную науку, возможен только в случае социальной востребованности профессии (распространяющейся на всех рядовых членов), что вряд ли возможно при сохранении в ней сектора неопатримониальной науки.

Эскапизм и умолчание – порождения неопатримониальной рациональности – на самом деле отражают очевидное бессилие академического политолога перед политикой и политиками в Украине, которое проявляется и в профессиональной сфере.

Сюжет второй. Украинская политология в период феминизации: борьба за и против патриархатной эпистемы

В 1990-х гг. исследователи отмечали тенденцию, согласно которой в развивающихся государствах женщины-ученые имеют лучшие, по сравнению с женщинами-учеными в развитых странах, шансы сделать успешную научную карьеру. В одной из статей я отмечал феминизацию украинских социальных наук на примере авторов кандидатских диссертаций, а также ее связь с неопатримониальным режимом. Добавлю наблюдение Александра Старыша о том, что женщины в политологии

⁴³ Мансур Олсон. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск, 1998. С. 40-41, 44, 64.

характеризуются чуть меньшим средним возрастом. С учетом большей средней статистической продолжительностью жизни женщин, делается вывод: “украинскую науку – и не только политическую – будет развивать, наверное, украинская женщина”.⁴⁴ Тем не менее, до сих пор отсутствуют исследования этой проблематики, выполненные внутри дисциплины.

В ходе интервью задавались вопросы, касающиеся гендерных аспектов политической науки в Украине, в частности: “С Вашей точки зрения, имеет ли смысл говорить о гендерном измерении в украинской политической науке? Сталкиваются ли женщины-политологи со ‘стеклянным потолком’ и / или специфическим отношением со стороны коллег-мужчин или общества?” Опыт личной включенности в политологическую среду позволял надеяться на выявление различных стратегий категоризации гендерного опыта. При анализе ответов я выделил два основных индикатора гендерной дифференциации в профессии: распространенность диаметрально противоположных мнений по поводу дискриминации и склонность к прямому искажению объективных фактов.

Что касается однозначных оценок положения дел с равноправием в украинской политологии, то семь из 11 украинских респонденток согласились с наличием дискриминационных практик – и только один мужчина из 12. Отмечу, что пять респонденток указали на примеры личной дискриминации по половому признаку. Само по себе это не означает, что остальные респондентки, признавшие факт гендерной дискриминации, не сталкивались с ее проявлениями. В этом частично убеждает та уверенность и даже горячность, с которой говорят о дискриминации, не приводя примеров (на чем я и не настаивал): “да-да-да, конечно”. Распространенные примеры гендерной дискриминации –

⁴⁴ Marcia Barinaga. Overview: Surprises across the Cultural Divide // *Science*. 1994. Vol. 263. March 11. Pp. 1468-1474; Осин. Академия. С. 330-344; Старіш. Політична наука. В 2010 г. количество женщин – докторов наук в США впервые превысило 50% (совокупно во всех дисциплинах). См.: Scott Jaschik. Women Lead in Doctorates // *Inside Higher Education*. 2010. September 14. <https://www.insidehighered.com/news/2010/09/14/doctorates>. Исследователи связывают динамику постоянного роста доли женщин в науке не с низким уровнем престижности научной деятельности, вызывающей отток мужчин (как в случае с развивающимися странами), а, напротив, со стремлением повысить конкурентоспособность национальной экономики путем оптимального использования человеческих ресурсов за счет снятия гендерных ограничений.

трудоустройство и адекватная оплата.⁴⁵ Проблема трудоустройства проявляется с самого начала:

Я видела, что молодых людей в науке гораздо больше поощряют, гораздо охотнее берут в аспирантуру. Потому что даже у нашего на тот момент заведующего кафедрой, моего научного руководителя, был стереотип, что девушка имеет меньший шанс или меньшую вероятность написать и защитить диссертацию, потому что она выйдет замуж, родит ребенка и забросит науку. В тот момент молодые люди им лично воспринимались как потенциальные ученые (ХЖК(п)–1).

Очевидно, что если одна группа (женщины) видит притеснение и указывает на его примеры, а другая группа (мужчины) отвергает какую-либо дискриминацию, мы имеем дело со скрытым источником конфликта.

Второй индикатор базировался на допущении, что доминирующая гендерная группа будет проявлять чрезмерную чувствительность к малейшим тенденциям в традиционном распределении гендерных ролей в науке, оспаривая легитимность самой постановки проблемы неравенства. Поэтому я ожидал, что мужчины будут более склонны оспаривать объективные данные, на основании которых строится критика гендерного режима, что и оправдалось. Опрошенные женщины объясняли сложившееся положение ссылками на гендерные стереотипы и ряд других факторов, но никогда не апеллировали к статистическим выкладкам. Значительное число мужчин, напротив, пытались при помощи цифр обосновать справедливость статус-кво. При этом они допускали серьезные искажения, вплоть до заявлений о тотальном преобладании женщин в профессии:

Но я бы не сказал, что здесь женщины как-то недореализовывают, или что-то здесь есть особое... Наверное, по количествам докторов наук, примерно 50 на 50, наверное, мне так кажется. Ну, может даже женщин и больше, возможно. Потому что более динамично в этом отношении, по крайней мере (ХМК(ф)–1).

Я могу сказать, что среднестатистический кандидат, а особенно доктор наук – это женщина после декрета в возрасте 35–45 лет.

⁴⁵ Речь идет о том, что за одну и ту же работу женщины получают меньшую оплату, чем мужчины: “Учитывая, что я 16 лет проработала конкретно с низким ‘стеклянным потолком’, о который постоянно билась головой... Даже в финансовом – там ‘вилка’ существует: нижний уровень и верхний уровень этой ‘вилки’, то понятно – дай Бог, чтобы в середину этой ‘вилки’ попасть” (ХЖД(п)–4).

На специализированном ученом совете все больше появляется молодых женщин-докторов, дальше их будет еще больше, потому что тенденция в геометрической прогрессии (ЛМК(п)–2).

На самом деле процент женщин-докторов по политологии в Украине, защитившихся в период 1999–2012 гг., составляет 32,7%. Данные Таблицы 1 показывают, что оценки респондентов можно считать адекватными, только если речь идет, во-первых, об уровне кандидатских диссертаций (а не докторских), а во-вторых, касается социальных наук в целом, а не конкретно политологии. В политологии доля женщин-соискателей кандидатской степени чуть больше 50% (в то время как в истории и социологии этот процент выше – 53,3% и даже 71%, соответственно).

Таблица 1. Гендерный состав объявлений о защите кандидатских и докторских диссертаций в Украине (1999–2012), в процентах.⁴⁶

Дисциплина и научная степень	Год	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Политология (канд. наук)		15,4	45,5	47,6	54,0	50,0	43,6
Социология (канд. наук)		81,3	80,0	58,8	70,0	62,5	60,0
История (канд. наук)		47,0	45,5	44,4	49,7	49,3	51,4
Госуправление (канд. наук)		50,0	50,0	33,4	40,0	42,6	51,5
Политология (докт. наук)		0,0	50,0	14,3	50,0	27,3	0,0
Социология (докт. наук)		66,7	0,0	40,0	0,0	0,0	0,0
История (докт. наук)		15,4	12,5	16,7	31,3	30,0	11,1
Госуправление (докт. наук)		20,0	0,0	0,0	25,0	22,2	50,0

То, что в четкой академической иерархии респонденты-мужчины “путают” кандидатский и докторский уровни, свидетельствует даже не о проекции, а о принципиально политическом характере занимаемой ими позиции. Если бы речь шла о явном тренде – экспоненциальном росте представительства женщин в профессии – то еще можно было

⁴⁶ Данные в Табл. 1 уточнены по сравнению с представленными ранее в моей статье: Осин. Академия. С. 330-344. Источником послужил ряд изданий, регулярно публикующих объявления о предстоящих защитах кандидатских и докторских диссертаций: “Науковий світ”, “Атестаційний вісник” и “Бюлетень ВАК”. В выборку попали объявления о защите 5909 кандидатских и 806 докторских в Украине (1999–2012).

бы предположить аберрацию, вызванную переносом оценки тенденции на констатацию текущего положения дел. Однако достаточно широкие хронологические рамки нашей выборки (полтора десятилетия) позволяют говорить лишь об относительно равномерных флуктуациях от года к году, не имеющих характера устойчивого лавинообразного нарастания нового качества. Налицо режим гендерного неравенства в украинской политологии, причем характеризуемый готовностью доминирующей – мужской – части профессии его игнорировать, тривиализировать или защищать.

В то же время, надо признать действительно значительным число женщин-ученых в политологии, и респонденты обоих полов (независимо от политических выводов, делающихся на этом основании) склонны интерпретировать относительную феминизацию профессии при помощи набора гендерных стереотипов. Многие респонденты и

2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Итого (1999– 2012)
43,1	43,3	43,8	55,2	65,5	47,0	53,0	57,4	50,8
71,4	70,8	65,8	73,5	62,8	78,6	69,7	82,5	71,0
49,5	57,2	54,6	54,4	55,4	58,4	53,5	58,5	53,3
42,2	43,9	48,9	56,6	49,2	58,0	52,4	48,7	49,6
42,9	41,7	33,3	26,7	21,7	26,7	37,5	45,8	32,7
62,5	25,0	100	66,7	83,3	55,6	0,0	75,0	55,2
26,3	22,2	35,7	16,1	32,4	41,5	27,3	33,3	27,2
11,1	35,7	50,0	54,6	42,9	45,7	50,0	23,7	38,5

респондентки совершают методологическую ошибку, рассматривая феминизацию в качестве аргумента против диагноза гендерной дискриминации (что может также являться сознательной защитной реакцией, по крайней мере, со стороны мужчин).⁴⁷ Интереснее то, что как мужчины, так и женщины при объяснении феминизации прибегают к одним и тем же кластерам гендерных стереотипов, только дают им по-

⁴⁷ Характерно, что никто из респондентов-мужчин, указавших на феминизацию политологии, не привел примеров личного ущемления по половому признаку в результате предполагаемого доминирования женщин в профессии.

лярно противоположные оценки. Убежденность в том, что “женщины более собранны, ответственные, усидчивы, терпеливы и организованны, чем мужчины”, для одних служит аргументом в пользу преимущества женщин в науке, а для других – свидетельством их ущербности.⁴⁸ Проследим, каким образом эти тропы встраиваются в общую линию аргументации.

Мужчины иногда подчеркивают такие качества женщин, как старательность и ответственность, чаще сопровождая их дополнительными характеристиками. Предполагаемая предрасположенность к рутинной работе подразумевает в этом случае недостаток воображения или креативности:

Женщина более внимательна к мелочам, мужчины – возможно, схватить какую-то такую более общую линию. Когда в декрете нечего делать, страшно выходить на работу, надо повысить свой статус, надо быстренько сделать докторскую... И, кроме того, вы понимаете, что сейчас для защиты диссертации не нужно оригинального мышления, глубины, хватки. Нужно терпение и скрупулезность в обработке чужих текстов, работе с текстовыми редакторами и так далее. А это больше женские черты (ЛМД(п)–2).

Респондентки не отрицают присущих им старательности, усидчивости, внимательности и ответственности, но приходят к совершенно иным выводам:

Сегодня женщины достигают больших результатов в науке именно благодаря своим личным качествам, благодаря тому, что они ставят цели и их достигают. Мужчины в этом отношении выглядят более слабыми и менее собранными (СЖД(г/у)–1).

Я заметила, что все больше и больше женщин идет в политологию. С чем это связано? Я думаю, что это связано, во-первых,

⁴⁸ Следует отметить, что респонденты – современные обществоведы, профессионально занимающиеся критическим анализом режимов господства, при защите системы патриархата склонны ссылаться на некие метафизические сущности (от Бога до Природы), подобно апологетам мизогинизма прошлых столетий: “Конечно, есть проблема, что количество женщин, например, в этих же ученых советах, меньше, например, чем количество мужчин. Но, с моей точки зрения, это, опять же, возможно на каком-то естественном уровне, или, я не знаю, заложено в том, что количество ученых, которыми являются мужчины, почему-то больше” (ЛМК(п)–3). “Так как Бог создал мужчину и женщину, существует и должна существовать разница... Вот как я вижу отношения, которые должны быть, нам не нужно менять естественный порядок дел, мы должны его улучшить” (КМК(п)–2).

с характером женщины как таковой, поскольку там, где трудно, у нас всегда женщины туда вперед и идут, а мужчины – они несколько отстают в этом аспекте (ХЖД(п)–1).

Суть мужского взгляда на структурные условия научной активности изложена одним из наиболее информативных респондентов:

Когда появились стабильные зарплаты в университетах и когда они были подняты до приемлемого для выживания уровня, эти позиции оказались очень интересными. Как молодым женщинам, которые искали возможность для реализации своих амбиций, научных интересов, так и женщинам, которые уже имели семью и которые искали такую стабильную работу, где, может быть, не надо сильно выкладываться. Можно ходить на лекции, читать эти лекции, получать неплохую зарплату и в то же время, за счет более гибкого графика преподавателя, больше внимания уделять детям и семье. И эта ниша, в силу институционального характера оказалась очень приемлемой, заманчивой для женщин (ХМД(п)–1).

Однако заманчивое для одних выглядит совсем иначе для других:

И в то же время... происходило “вымывание” ученых-мужчин и преподавателей-мужчин, которых не устраивал уровень зарплат в академическом институте и зарплата преподавателя. То есть мужчины “вымывались”, так как они искали более высокий уровень заработка, а если работали в науке или, скажем так, в прикладных исследованиях, шли в более денежные [сферы], с бóльшим вознаграждением. То есть, это мог быть третий сектор, политическое консультирование, прикладная политология. И вот мы знаем и Фесенко, и Карасев, – вот они выбрали как раз вот такой путь. Но это лишь верхушка айсберга, огромное количество специалистов среднего уровня, ниже среднего уровня – просто ушли (ХМД(п)–1).

Респондент защищает сложившуюся иерархию гендерных ролей вопреки наглядным успехам женщин в Академии, намекая на их иную, чем у мужчин (неполноценную) мотивацию в профессии. Одновременно он дает понять, что мужчины сдали свои позиции не в силу конкурентоспособности коллег женского пола, но потому, что в силу своей гендерной роли переключились на обеспечение семей посредством других, более важных видов деятельности. При явной политической ангажированности этой позиции, это не значит, что она абсолютно беспочвенна: аналогичную логику можно встретить и в комментариях женщин:

Я просто видела, что труд в высшем учебном заведении – это два месяца отпуска плюс и еще особо так не перегруженный рабочий день (СЖД(г/у)–1).

В этом контексте работоспособность женщин рассматривается как фактор нечестной конкуренции, угрожающей не просто коллегам-мужчинам, но самому будущему науки:

Ну, хорошо, давайте всем как бы раздадим кандидатские дипломы. Что от этого изменится? То есть они что, все станут сразу учеными? То есть все равно наука – она будет прибежищем немногих, скажем так, и индивидуальности. Есть научные работники, которые фиксируют, скажем, какие-то изменения в растворе, они ведут такую как бы работу учетчиков. Да, они могут при этом иметь кандидатские и даже докторские степени. Но это не совсем наука. Наука – это такое предприятие по изысканию, по прорыву к сущности явлений или процессов, которые ученый изучает. А не просто некая фиксация, которая иногда очень нужна, которая о чем-то там говорит. Но это все-таки поднаука, квазинаука (СМК(и)–1).

Обзор стратегий поддержания и нарушения традиционного гендерного порядка возвращает нас к теме формулирования призвания политолога в условиях социальной трансформации. Гендер оказывается столь же важным фактором определения повестки “призвания”, как и обсуждавшееся выше различие между “теоретиками” и “практиками”. Респонденты и респондентки продемонстрировали структурные различия в оценке своей роли в профессии при взгляде через призму меняющейся констелляции социально-политических обстоятельств, финансовых возможностей, мотивации, убеждений и верований.

Мужской взгляд на “призвание”, по сути, заключается в следующем: политическая наука в Украине слаба, в силу чего профессия рекрутирует слабых (женщин). Слабость же подавляющего большинства мужчин, оставшихся в профессии, видится в экономических условиях их деятельности, в то время как слабость женщин связывается, по умолчанию, с их социально-психологическими, если не биологическими качествами. Современная украинская политология формирует “сомнительное призвание” (в терминологии Джона Драйманиса),⁴⁹ и

⁴⁹ Джон Драйманис использовал это понятие при описании обнаружившегося в конце 1960-х гг. перепроизводства выпускников университетов в США, в силу чего нарастало количество нетрудоустроенных обладателей степени PhD по политологии. Охарактеризовав политическую науку как “сомнительное призвание”, он выразил

призвание это, скорее всего, “мужского рода”. Впрочем, не все мужчины оказываются “подлинно призванными”, а лишь небольшая часть, наиболее отвечающая романтическому (сформировавшемуся еще в первой половине XIX в. на заре профессионализации науки) идеалу ученого: поиск истины ради истины, стоицизм в неблагоприятных материальных обстоятельствах, способность к озарению.⁵⁰ С этой точки зрения, пришедшие в профессию на волне ее феминизации женщины не соответствуют подлинному призванию и типологически схожи с большинством оставшихся в профессии лишь по инерции (без настоящего призвания) мужчин, что еще более усиливает отчуждение и эскапизм, которые отличают поведение ученых при неопатримониализме. Один из наиболее откровенных респондентов с горькой иронией охарактеризовал типологический состав постсоветской академии, в которой структурные различия перестают играть роль, будучи одинаково далекими от нормативного призвания:

... принцип негативной селекции, который действует много лет, потому что в науку идут домохозяйки, чьи-то дочери или любовницы, и полоумные романтики. И, естественно, костяк науки – жулики, то есть люди, которые просто ищут коррупционные схемы, ищут пути заработка. Ясно, что эти последние люди не могут продвигать, ибо не заинтересованы, а первые категории – просто не способны на это (ЛМК(п)–2).

Основной тезис респонденток может звучать так: современные украинские мужчины слабы, а потому политическая наука должна перейти к сильным. То есть к женщинам. Разделяя, тем самым, с мужчинами дискурс “слабости” (как элемент политического конфликта по поводу гендерно обусловленного места в академической иерархии), они связывают ее не с институциональным положением науки, а с личными качествами самих мужчин. Респондентки демонстрируют иную нормативность при взгляде на академическую деятельность, ориентируясь не на “призвание”, а на “внутренние качества”. Феминизация социальных наук в эпоху после обретения независимости привела к “вымыванию” из академии мужчин-политологов, потому

надежду, что оставшихся верными профессии в трудных обстоятельствах можно считать подлинно “призванными”. John Dreijmanis. *Political Science: A Precarious Vocation // Teaching Political Science*. 1981. Vol. 8. No. 4. P. 483.

⁵⁰ Об этом представлении и противостоящей ему идее моральной эквивалентности исследователя см. в работе Стивена Шейпина: Steven Shapin. *The Scientific Life. A Moral History of a Late Modern Vocation*. Chicago, 2008, особенно Pp. 22-92.

что современные украинские мужчины оказались слабы, а значит, политическая наука должна перейти к сильным – то есть к женщинам. Дискурс же “призвания” оказывается лишенным всякой гендерной специфики, поскольку большинство в профессии составляют люди – как женщины, так и мужчины – выбравшие ее скорее потому, что у них было мало шансов преуспеть в другой, возможно, более конкурентной сфере (будь то бизнес или политика).⁵¹ Ответы респонденток одновременно и опровергают гендерные стереотипы (патриархатный миф об особой предрасположенности мужчин к занятию наукой), и активно задействуют их, когда напрямую возлагают на мужчин вину за неприятное состояние научной сферы. В доминирующей гендерной логике мужчины начинают восприниматься слабыми: столкнувшись с проблемами, они не сумели их преодолеть и довольствовались пассивной ролью тех, кто лишь реагирует на события. Лишившись традиционной роли “главного добытчика”, они не приобрели взамен ничего, вынудив женщин принять главную ответственность на себя:

Я думаю, что особенно, если это касается политологов-женщин, они должны быть более амбициозными и целеустремленными, поскольку они пытаются реализовать себя в большем количестве областей, чем мужчина-политолог (ЛЖК(п)–1).

В рамках проведенного исследования можно сформулировать в качестве предварительной гипотезы, согласно которой постепенная феминизация украинского обществоведения не сопровождается пока деконструкцией патриархата как укорененной эпистемы. Осознание женщинами-политологами собственной ценности по-прежнему формулируется в категориях гендерных стереотипов и оценивается с точки зрения установления гегемонии через освоение гендерных ролей, традиционно считавшихся “мужскими”. Можно только гадать, приведет ли нормализация ситуации в высшей школе и укрепление ее социального статуса к “вымыванию” женщин из академии (подобно тому, как это произошло во многих профессиях после второй мировой войны). Или, напротив, процесс феминизации необратим – и, подобно борьбе

⁵¹ Следующий красноречивый нарратив о проблемах выбора профессии в начале 2000-х гг. иллюстрирует этот тезис: “Опять же, как, наверное, и большинство молодых людей, которые заканчивают университеты и не имеют трудового опыта, я пребывал в состоянии некоторой угнетенности и испуга: а что дальше? И тут мне предложили аспирантуру... Тем более, реальной альтернативы, видимой, которую я мог бы четко для себя сформулировать, у меня не было... Я, еще раз подчеркиваю, я не программист, не стоматолог, я ничего в этой жизни не умею” (ЛМК(п)–2).

за женское равноправие в США, “эта война уже выиграна”,⁵² только совсем другим способом. Для определенных выводов необходимо проведение специальных исследований в этой сфере. Они же должны дать ответ на вопрос, является ли “феминизация” университетских социальных наук фактором, потенциально подрывающим режим неопатримониальной Академии, площадкой для (легитимации) неких, пока еще запрещенных и во многом перверсивных игр, или напротив, сохранение патриархатной эпистемы в гендерных стратегиях женщин-ученых будет способствовать воспроизводству неопатримониального режима в новых условиях.

Сюжет третий. Поиски субъектности украинской политологии: между “большим” и “малым” колониализмом

В центре данного сюжета – проблема субъектности политологии и политологов в Украине: являются ли они представителями некой автохтонной интеллектуальной традиции (приспособленной для изучения конкретного общества) или же некой глобальной науки (призванной обеспечить обновление этого общества)? Поиск идентичности обуславливает конструктивистскую методологическую позицию, согласно которой генезис идентичности “предполагает нахождение противоположного, ‘Другого’, чья действительность является предметом постоянной интерпретации и переинтерпретации с точки зрения его отличия от ‘нас’”.⁵³

Я полагаю, что поиск субъектности украинскими политологами осуществляется в рамках двух основных колониальных проектов (на самом деле их может быть и больше), которые конструируют особого “Другого”. С одной стороны, создается образ гомогенного Запада, с другой – ориентализируется Украина, в результате возникают представления о специфической “западной” и столь же специфической “украинской” политологии. Эти проекции накладываются на более глобальные властные отношения господства и подчинения. Имея в виду центры тяготения интеллектуальной власти, я говорю об условных “большом” и “малом” колониальных проектах, каждый из которых кон-

⁵² Этой победой объясняют снижение интереса к гендерной проблематике среди студентов в американской академии. См. Stanley Rothman, April Kelly-Woessner, Matthew Woessner. *The Still Divided Academy: How Competing Visions of Power, Politics, and Diversity Complicate the Mission of Higher Education*. Lanham, MD, 2011. P. 119.

⁵³ Э. Саид. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. Санкт-Петербург, 2006. С. 513.

струировать свой воображаемый Запад и западную политическую науку. Воображаемыми они являются не в том смысле, что соответствующей политологии нет или что она находится в процессе перманентного и виртуального изобретения. Говоря словами Эдварда Саида, им просто “не соответствует никакой устойчивой реальности в смысле естественной данности” – но они “являются причудливой комбинацией эмпирического и имагинативного”.⁵⁴

Рамка “большого” колониализма проявляется в том, как политологи осмысливают свой опыт взаимодействия с зарубежной академической средой. В их описаниях стажировок, обучения, проведения совместных исследований преобладают эмоции восторга, восхищения на грани благоговения, энтузиазма и надежды. Речь идет исключительно о позитивном влиянии со стороны “западных” ученых, интеллектуальном обогащении в процессе личного общения, огромном объеме накопленной в “западной” политологии информации, которую необходимо усваивать: “Я сюда вывез где-то около тридцати ящиков ксероксов, литературы, которые заложили такой фундамент” (ХМД(п)–1).

При этом блокируется восприятие каких-либо недостатков “западной политологии” (например, поверхностные и слабые исследования, местные аналоги феномена неопатримониальной науки и т.п.). Формирующийся в результате идеализированный образ оказывается статичным, нереалистичным и некритическим (за редчайшими исключениями),⁵⁵ нечувствительным к национальным различиям, иг-

⁵⁴ Э. Саид. Ориентализм. С. 512.

⁵⁵ В число изредка упоминаемых “грехов” западной политологии попадает ее ангажированность: “...некоторые авторы чрезмерно заидеологизированны. Тот же ‘Journal of Democracy’ иной раз начинает напоминать мне газету ‘Правда’ или журнал ‘Коммунист’... по освещению некоторых событий” (ХЖД(п)–4). Та же респондентка указала на цензуру и, в особо примечательном фрагменте, на политкорректность: “У них все равно есть определенная цензура на выбор темы, она негласная, но она существует... Плюс там не принято – не дай Бог – в своих исследованиях усомниться в гендере или в политкорректности. Политкорректность это вообще... Я помню, как возмущался один канадский профессор: ‘Все, теперь нельзя писать о том, что там какой-то идиот, а надо говорить mental disability или mentally challenged’”. Иногда также упоминают узкую специализацию (находя преимущество в ее отсутствии в украинской политологии): “... излишней такой вот замкнутости профессиональной, которая существует в западной науке, когда человек может быть специалистом по первым пяти минутам Французской революции, но за пределами этого больше ничего не знать. Собственно говоря, специализация на Западе, она как раз и привела к формированию вот таких людей, вернее, специалистов, которые не читают за пределами своей узкой темы” (ХМД(п)–1).

норирующим разнообразие научных школ, исследовательских практик, сетей исследователей и т.п. Подобный идеализированный монолитный образ облегчает некритическое заимствование готовых образцов политологического знания, подобно импорту высокотехнологической продукции в страны “третьего мира”.

Параллельно, на эпистемологическом уровне, определенные научные традиции отождествляются с общественно-политическим прогрессом: знакомство украинских ученых с мировыми достижениями внушает мысль о передовом характере “западной” политической науки, ее “лидирующем” положении и “безусловной” связи с демократическим путем развития.⁵⁶ “В не совсем демократической [политической системе] – это будет натаскивание” (ЛМД(п)–1). Эта установка служит дополнительным аргументом в пользу датировки зарождения политологии в Украине концом 1980-х гг., в результате относительной демократизации политической сферы во время перестройки. Идеальное будущее видится в достижении соответствия конкретным (американским) образцам.

Строго говоря, этот распространенный троп является синекдохой, коль скоро редко оспариваемая связь между американской демократией и американской политологией переносится на всю “западную” политическую науку. В этом переносе нет ничего самоочевидного: так, зарождение политической мысли в Германии прослеживается уже в XIV веке, когда о демократии говорить еще не приходится.⁵⁷ Более того, несмотря на то, что политология как современная дисциплина сформировалась, главным образом, на американской почве,⁵⁸ в первые десятилетия ее развития ничего специфически “американского” в ней не было. Речь скорее шла о международном научном сотрудничестве, в котором на первых порах доминировали европейские (французские и, особенно, германские) ученые. Немецкие университеты выступали в качестве нормативной модели, обучение предполагало стажировки за пределами США (прежде всего, в Германии), содержательно политическая наука напоминала *Staatswissenschaft*, заметно было методологическое влияние немецких менторов.⁵⁹ С точки зрения собственно

⁵⁶ Связь между такого рода универсалистскими воззрениями и степенью знакомства с западными научными традициями является у респондентов очень сильной.

⁵⁷ С. Шюттемейер. Современное состояние политической науки в Германии // Политическая наука в Западной Европе. Москва, 2009. С. 180-182.

⁵⁸ James Farr. Political Science // The Cambridge History of Science. Volume 7. The Modern Social Sciences. Cambridge, 2003. Pp. 308-309.

⁵⁹ Ibid. Pp. 307-315; Albert Somit, Joseph Tanenhaus. The Development of American Political Science. From Burgess to Behaviorism. New York, 1982. Pp. 15-21.

американской академии, на первых порах речь шла, скорее, о постколониальной адаптации и переработке европейских образцов.

“Колониальная перспектива” заставляет большинство респондентов обращать внимание на сходство, а не отличия “западной” науки, верить в возможность перестройки украинской политологии извне, а не изнутри. В силу этого респонденты склонны рассуждать в категориях “догоняющей модели” модернизации украинской политологии. По этой же причине они фиксируются на глобальных, едва ли не цивилизационных объяснениях маргинальности украинской политологии и игнорируют конкретные характеристики организации академического процесса в США и Западной Европе, которые и обеспечивают преимущества “западной” науки в первую очередь. Отодвигая на второй план задачу развития оригинальных научных парадигм и утверждения четких академических процедур (то, что, в значительной степени, находится в их собственной власти), они сами обрекают себя на положение структурной зависимости. Поэтому у отдельных ученых, ориентирующихся на мировую политологию, но не интегрированных в модернизированное профессиональное сообщество, остается единственный выход: импорт не общих академических стандартов (невозможный вне коллективных усилий), а конкретных готовых элементов знания (вплоть до детального копирования структуры курсов и воспроизведения их точного содержания). Бывший заведующий кафедрой политологии так вспоминал о попытке построить политическую науку в Крыму:

Вот именно их [американскую] исследовательскую традицию я пытался на нашу почву перенести. Я читал, и сознательно читал, курсы “введения в специальность”, потому что очень важно было правильно задать фундамент будущим политологам... Я был членом Американской ассоциации политической науки (СМД(ф)–1).

Структура “малого” колониализма проявляется в нашем исследовании в ответах крымских респондентов. И для них “западная” политология служит ключевым фактором, определяющим их профессиональную идентичность, только в негативном плане. Противопоставление конструируемому могущественному “Другому” – воображаемой и отвергаемой западной науке – позволяет утверждать собственную интеллектуальную генеалогию в ситуации утраты советской науки, с которой идентифицируются определенные современные обществоведы. Образ советской науки оказывается не менее искусственным

конструктом. Формальное признание догматичности марксизма сочетается с идеализацией его институциональных и эпистемологических качеств. Это, прежде всего, строгость мышления (“системность мысли, методологичность... была преимуществом в советское время”, СЖД(г/у)–1) и фундаментальность – в сравнении с нынешним состоянием дел (“общественная советская наука, она, конечно, была гораздо более фундаментальной, чем то, что мы видим сейчас, более стройно выстроенной”, СМК(и)–1). Один респондент провел параллель между обществоведением Российской империи и СССР с развитием западной политической науки, вписав ее в контекст геополитической борьбы:

В Советском Союзе, в Российской империи была своя школа, которая не уступала западной школе или китайской школе геополитики. Была имперская школа, условно которую можно называть школой Милютин. [Была] четкая методология, определения, то есть не зря Российская империя так успешно расширялась, как и американская империя. Кстати, и методология имперская, российская, как методологии американская и российская современная, они очень похожи в этом плане... Но почему-то в современном научном политологическом дискурсе немногие ученые используют и развивают эту методологическую часть, что сказывается на качестве и результатах исследования. Нечто такое объемное, за что нельзя ухватиться (СМД(п)–1).

Группа респондентов, отождествляющих себя с наследием советской науки, оспаривает взаимообусловленность развития политологии и либеральной демократии, акцентируя внимание преимущественно на темных сторонах конструируемой “западной” политологии. Одна из них – предполагаемая концептуальная и идеологическая ангажированность грантодателей. Респонденты, разделяющие определенные политические взгляды (например, сторонники “Русского мира”), целиком отторгают как чуждые “западные” академические институты:

Там всякого рода грантоедские структуры, возникшие достаточно давно. Но это ж не только... финансы, которые выдаются под конкретные исследования и которые иногда подразумевают определенные методики. И уж точно тематика там определена. Поэтому это давало и направление, и определенные стереотипы закладывало самой деятельности (СМК(и)–1).

Эта группа респондентов также чувствительна к эпистемологической связи “между геокультурным положением и теоретической

продукцией” (Вальтер Миньоло).⁶⁰ В частности, они рассматривают взаимоотношения западной и украинской политологии в рамках модели колониальных отношений или, в лучшем случае, столицы и провинции:

Это примерно, как отличие между столицей и провинцией. То есть в столице придумали, там мода поменялась – в провинции через некоторое время обноски этой моды будут донашивать. Вот примерно то же самое соотношение между американской и украинской политологией. Причем, там уже что-то другое носят, здесь донашивают то, что они когда-то там доносили, причем, в прямом смысле, то есть не что-то такое же делают, а вот берут поношенное, секонд-хенд. Следующая порция секонд-хенда придет через какое-то время и будет так же здесь донашиваться, как вот сейчас донашивается то, что вот носилось в этой Америке в прошлом историческом периоде (СМК(и)–1).

В этой позиции совмещенной критики “западной” и украинской политологии можно усмотреть имплицитную претензию на легитимацию некой “самобытной науки”. Всякие сомнения по поводу ее качества снимаются отказом признавать саму правомочность сравнения в ситуации глобальной конкуренции и взаимодействия, в рамках некой общей модели научности на том основании, что любое взаимодействие с Западом неизбежно будет носить колониальный характер. Антизападная риторика в формате антиколониальной критики имеет больший потенциал, чем обычные нативистские схемы (будь то советский истмат или “украинский научный национализм”), поскольку позволяет выдать архаические идеи за современную и прогрессивную (антиимпериалистическую) социальную критику. В этом случае, переворачивая афоризм Токвиля, можно сказать, что “старая политическая наука требует старого общества”, и фактически “неосоветская” самобытная политология, определяемая в основном апофатически (через отрицание современных позитивных сценариев), для своей легитимации требует “неосоветского” общества.

Образы воображаемой западной политологии конструируются украинскими политологами по модели “большого” колониализма как формы современной западной колонизации. Это происходит в процессе повседневной академической практики (отражающей ту или иную степень знакомства с западными политологическими традициями) “в рамках...

⁶⁰ Цит. по: Альмира Усманова. Восточная Европа как новый подчинённый субъект // Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели. Вильнюс, 2007. С. 106.

научных обменов” и “посредством языка и академических дискурсов, которые затем с готовностью используют политики и экономисты для легитимации собственных действий и стратегий”.⁶¹ Сложно сказать, в какой степени в данном случае можно говорить о намеренной колонизации, однако, согласно Рори Финнину, очевидно, особенно после украинских событий 2013–2015 гг., что западная академия не склонна “воспринимать страну и ее людей в качестве официальных объектов знания”, сосредоточившись вместо этого на получении знания о ряде политических и экономических аспектов.⁶²

С постколониальной точки зрения, за конструированием идентичности всегда стоит конкретное распределение власти и интересов. Таким образом, убежденность украинских политологов в том, что развитие политологии возможно лишь при демократии, является отголоском “бесплодности империалистической филантропии” (Джозеф Конрад). Сегодня эта “империалистическая филантропия” проявляется, как указывал Эдвард Саид, в настойчивых попытках сделать мир безопасным через распространение демократии.⁶³ О “бесплодности империалистической филантропии” можно говорить постольку, поскольку цели этой разновидности колонизации достигаются не в полной мере, как можно судить по ответам респондентов. С одной стороны, наблюдается научная индоктринация, усвоение чужой исследовательской повестки дня, предпочтительных методов сбора и анализа данных, риторических стратегий, задействованных при оформлении и продвижении результа-

⁶¹ Усманова. Восточная Европа как новый подчинённый субъект. С. 107. Обоснованность связи между продвижением демократии и политической науки в середине прошлого столетия была более очевидной: Berndtson. *The development*. Pp. 40-41.

⁶² Rory Finnin. *Ukrainian Studies in Europe: New Possibilities // The Journal of Ukrainian Politics and Society*. 2015. No. 1. Pp. 18-22. В качестве примера можно привести Пограничье Центрально-Восточной Европы (Украина, Беларусь, Молдова), часто рассматриваемое как особое геополитическое образование. Контент-анализ властного дискурса, проведенный на базе официозных украинских изданий – “Голос Украины”, “Газета Верховной Рады”, “Газета Кабмина” и “Правительственного курьера” – показывает отсутствие в Украине в первое десятилетие после обретения независимости осознания общности с Беларусью и Молдовой. Единственной причиной объединения этих стран в процессе академических исследований было представление об их связанности, распространенное в США и ЕС с середины 1990-х гг., как можно убедиться по печатным изданиям Верховной Рады и Кабинета министров Украины: В. Осин. *Пределы субъектного конструирования Пограничья Центрально-Восточной Европы: политика знания как триумф автономии угнетенной/подчиненной стороны // Перекрестки*. 2012. № 3-4. С. 65-85.

⁶³ Эдвард Саид. *Культура и империализм*. Санкт-Петербург, 2012. С. 22, 19.

тов исследования. В нормативный круг чтения украинских политологов (классические тексты, обеспечивающие предметную и эпистемологическую целостность дисциплины) и персональный круг чтения (авторы, за публикациями которых следят респонденты) входят исключительно западные ученые (не обязательно политологи). С другой стороны, империалистическая филантропия оказывается во многом бесплодной, так как в украинской политической науке до сих пор не появились агенты изменений и инновационного академического сообщества.⁶⁴

Идентичность дисциплины конструируется через негативный образ западной политологии (противопоставленный позитивному образу советского обществоведения) и в рамках другого колониального проекта, хотя и менее успешного в сравнении с “большим”.⁶⁵ Очевидно, единственным актуальным интеллектуальным контекстом для проекта “несоветской” политической науки является обществоведение РФ, официально принявшей на себя миссию преемника СССР.⁶⁶ В этом убеждает несколько обстоятельств: политика сносок на актуальную литературу (в основном исчерпывающуюся русскоязычными авторами), выбор научных тем (как правило, связанных с регионом), меньшая, чем у остальных респондентов, степень взаимодействия с зарубежной научной средой (включая обучение, стажировки, гранты). Значительная

⁶⁴ Я делаю этот вывод на основании обмена мнениями Сергея Кудели и Юрия Мациевского: С. Куделя. Чи можлива в Україні... Ю. Мациєвський. Чому в нас немає... Михаил Соколов на примере российских социологов, участников грантовой экономики, демонстрирует причины их неудач в процессе институциональной перестройки: М. Соколов. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика “бедной науки” // *Laboratorium*. 2009. № 1. С. 45-46.

⁶⁵ Впрочем, в Крыму эту модель колониализма скорее можно назвать “большой”. Исследование круга чтения студентов-политологов в 2013 г. показало, что в Крыму большой популярностью пользовались российские авторы очевидно антизападной направленности: Осин, Зеленски, Шуляк. *Власть и знание*. С. 237-245.

⁶⁶ Таким образом, два рассматриваемых колониальных проекта являются производными от геополитической архитектоники, частью которой выступает Украина. Я согласен с тезисом о том, что значительная часть постсоветского пространства является пограничной зоной между “геостратегическим влиянием США”, “геоэкономическим доминированием ЕС” и “геополитическими амбициями России”: А. Крысенко. Теория Пограничья в контексте символической географии Европы // *Ойкумена*. 2006. № 4. С. 261-275. Отсюда можно ожидать большего разнообразия колониальных проектов в рамках этой системы власти с использованием академической инфраструктуры (сформированных немецким, британским и пр. научным дискурсом.). Описываемые колониальные проекты являются отражением доминирующего положения американской политической науки, сложившегося в советское время.

часть представителей “малого” колониализма в 2012–2013 гг. описывали перестройку и распад СССР в геополитических и эсхатологических терминах, которые близки нынешней “официальной” интерпретации политического руководства РФ:

Восприятие перестройки – сложное. Ну, это была своеобразная революция, хотя не в классическом понимании этого слова, [и она] не приводит к улучшению жизни в стране. Как говорит моя дочь, а я, наверное, соглашусь с ней, “я терпеть не могу большевиков за то, что они разрушили Россию, и терпеть не могу коммунистов за то, что они разрушили Советский Союз”. Вот, наверное, где-то такие ощущения (СЖК(п)–2).

Собственно, на наших глазах произошла геополитическая катастрофа... Допустим,плыли себе ребята на “Титанике”, а потом врезались в айсберг, и это их подстегнуло: кто научился держаться на воде, как-то приспособился к этой ситуации, нашел плавсредства и так далее, тот спасся. Остальные утонули. Поскольку мы сейчас беседуем, значит, все-таки как-то вот мы спаслись в той ситуации (СМК(и)–1).

Образ воображаемого Запада имеет свою генеалогию на постсоветском пространстве.⁶⁷ Функции этого образа, описанные Алексеем Юрчаком, во многом применимы и к рассматриваемому сюжету. Воображаемая западная политология, с которой в советское время можно было познакомиться по книгам “критиков буржуазных теорий”,⁶⁸ сегодня продолжает существовать как один из факторов, определяющий идентичность украинской политической науки. Отличия в отношении к воображаемой западной политологии, по всей видимости, обусловлены различным отношением к Западу в двух колониальных проектах. Как писал Вальтер Мизиано, “Запад остается еще реальностью, превышающей ресурсы понимания, слишком ещё далёкой от индивидуального и коллективного опыта, а потому превращающейся в травмирующий объект желания, который хочется либо конвульсивно присвоить, либо невротически сломать”.⁶⁹

⁶⁷ См., например, Алексей Юрчак. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва, 2014, особенно гл. 5. О воображаемом Западе в Восточной Европе писали Славой Жижек, Светлана Бойм, Славенка Дракулич и др.: Усманова. Восточная Европа. С. 116, 120-121.

⁶⁸ “Наверное, на формулирование темы повлияла книга ‘Буржуазное общество в поисках стабильности’, которую я тщательно законспектировала в своё время... Я серьезно Вам говорю, она очень качественная была” (ХЖД(п)–4).

⁶⁹ Цит. по Усманова. Восточная Европа. С. 121.

Помимо разных версий воображаемой “западной политологии”, идентичность украинских политологов конструируется с помощью еще одного Другого – воображаемой украинской политической науки. В этом случае также необходимо говорить о множественных и изменчивых образах, формируемых в рамках определенных колониальных проектов. Эти образы конструируются в результате ориентализации, обусловленной ощущением “внеаходимости” большинства респондентов, в силу разных причин не чувствующих себя полноценными участниками общей академической дисциплины. С точки зрения дискурса “большого” колониализма, воображаемая украинская политология конструируется на основании сравнения американской и украинской исследовательской традиции. Я считаю такое прямое сравнение недопустимым, поскольку политологию эпохи демократии сравнивают с политологией эпохи неопатримониализма.⁷⁰ Это сравнение, по сути, лишает украинскую политологию шансов на формулирование оригинальной исследовательской повестки дня с опорой на аутентичные научные традиции. В случае с “малым” колониализмом речь идет о более сложной констелляции факторов. Применяя идею имперского различия Мадины Тлостановой, можно утверждать, что опрошенные респонденты смотрят на Запад и западную науку одновременно с недоверием и желанием. Украинские научные традиции воспринимаются с пренебрежением, как традиции колонии, а времена советского обществоведения вспоминаются с чувством ностальгии. В результате, из смеси реальных обстоятельств и дискурсивных проекций формируется образ “украинской политологии” как экзотического Другого.

Экзотизация современной украинской политической науки отчетливо проявилась в тех случаях, когда респонденты эмоционально описывали в высшей степени специфические местные академические практики. Например, неопатримониальную науку, масштабы которой обрекают подлинных ученых на эскапизм и раздробляют академическую среду на полуизолированные научные анклавы. Или зачастую архаическое осмысление нового гендерного порядка в дисциплине, в результате чего она представляется переполненной “слабыми женщинами” и “слабыми мужчинами”. Наконец, при ответе на вопрос о национальных традициях, многие респонденты вспоминали попытку Министерства образования ввести курс “украинского национального анализа” (подготовленный в Киевском национальном университете

⁷⁰ Микола Рябчук такого рода сравнение уподобил бы сравнению тюленя с ягуаром: Микола Рябчук. Постколониальний синдром. Спостереження. Київ, 2011. С. 21.

профессорами Борисом Гаевским, Федором Кирилюком и доцентом Николаем Обушным), а также проект “Теории украинской политологии” Владимира Потульницького (1993).⁷¹ Эти казусы противопоставлялись глобальному характеру современной западной науки, где никто не стремится создать “национальную физику” или математику.

Таким образом проявляется особая стратегия формирования идентичности по отношению к внутреннему Другому. Умолчание о положительных чертах, в целом негативная оценка состояния профессии и ее достижений, стремление дистанцироваться от нее и эскапизм – все это формирует экзотический или девиантный образ украинской политологии, подчеркивающей полноценность собственной субъектности. В этом, а также в склонности к бинарным оппозициям при фиксировании различий, можно увидеть проявление специфической ментальной карты, когда “незнакомое пространство” (в роли которого выступает как украинская, так и западная политическая наука) “в большом количестве заполняют всякого рода предположения, ассоциации и домыслы”.⁷²

Ориентализация, являющаяся следствием внутренней колонизации академического пространства, усиливает отчуждение респондентов. Они смотрят из своей позиции внаходимости на национальные традиции “со смешанным чувством чего-то хорошо знакомого и одновременно далекого”,⁷³ не допуская дисциплинарного суверенитета, вызова или просто альтернативы доминирующему (в их представлении) политологическому дискурсу. Конечным итогом этой практики конструирования идентичности выступает пренебрежительное отношение к исконно украинской традиции в политологии, которая тем самым отвергается, тривиализируется или не проблематизируется. При этом молчаливо признается неопределенный статус национальной автономной традиции, когда советское наследие было скомпрометировано, а досоветская украинская социальная мысль была отделена почти столетием от актуальной научной ситуации.

Впрочем, проблема глубже, учитывая фактическое отсутствие рефлексии по поводу гипотетических генеalogий украинской политологии. В частности, речь может идти о восстановлении досоветской украинской политико-социологической традиции, которая продолжалась в 1930–1960-е гг. в Праге, США или, скажем, Институте по изучению

⁷¹ Подробно см.: Евгений Быстрицкий. Почему национализм не может быть наукой // <http://www.bystrytsky.org/why94r.htm>; Шаповаленко. Украинская политология. С. 232.

⁷² Э. Саид. Ориентализм. С. 85-86.

⁷³ Там же. С. 24.

истории и культуры СССР в Мюнхене. Стоит также упомянуть о влиянии украинских эмигрантов – социальных ученых, на становление, например, советологии или теории тоталитаризма.⁷⁴ Один респондент, крупнейший специалист в этой области, описал ситуацию с отрицанием традиций национальной политической мысли в библейских терминах:

Я говорю только о политических науках – Вы знаете, тут [никакого] всплеска не было... Наше издательство, “Кальвария”, хотело издать Донцова в пяти томах, но денег хватило только на один... Мне кажется, что сейчас период, когда разбрасывают камни (ЛМК(ф)–1).⁷⁵

Процесс формирования идентичности одновременно через идентификацию с иными традициями и отрицание собственных “корней” можно описать при помощи понятия внутренней колонизации: “колонизация всегда связана с попыткой освоить чужое”, в то время как “ощущение себя чужим среди своих” является “постоянной формой недовольства и протеста, связанных с ситуацией внутренней колонизации”.⁷⁶ По интервью сложно утверждать, в какой степени респондентам присуще “чувство чужеродности в своей стране, ощущение остановившегося времени и критика подражательной культуры”.⁷⁷ Однако практически все они испытывают указанные чувства: тотальное разочарование достижениями украинских ученых, легкая гордость за свои научные достижения, восприятие политологии в Украине как симулякра, уверенность в личной причастности истинному знанию, позволяющему оценивать и квалифицировать.

⁷⁴ Я чрезвычайно благодарен Александру Фисуну за то, что он обратил мое внимание на эти сюжеты.

⁷⁵ О степени незаинтересованности в разработке собственной политологической традиции можно судить также по оценке влияния, оказанного сравнительно небольшой книгой респондента по истории политической мысли Украины. Написанная в середине 1990-х гг., она удостоилась такой характеристики, с вполне понятной гордостью повторенной респондентом в 2013 г.: “Ты не понимаешь, насколько ты лет перекрыл кислород другим”. Так вот я пока перекрыл” (ЛМК(ф)–1).

⁷⁶ А. Эткинд. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Москва, 2013. С. 90.

⁷⁷ Ibid. С. 30. Механизмы подобной колонизации различны. Для “теоретиков” позиция венаходимости по отношению к национальным традициям позволяет указывать на формальную историческую преемственность (упоминание фамилий, событий и дат, но не практического влияния). “Практики”, напротив, игнорируют собственные традиции как нерелевантные их опыту политической социализации, хотя рассказы о защите диссертаций демонстрируют влияние национальных традиций.

Таким образом, украинская политология все еще находится в поисках собственной субъектности, выступая в роли самопровозглашенной “колонии” западной или российской “научной метрополии”.⁷⁸ Самоопределение через воображение Запада и ориентализацию Украины приводит к тому, что украинские политологи оказываются в структурной ситуации компрадоров, посредников между далеким центром “подлинной науки” и “аборигенами”.⁷⁹ Их легитимность всецело зависит от владения “подлинной наукой”, однако они не могут конвертировать “знание” во “власть” (хотя бы символическую), поскольку не участвуют полноценно в производстве знания. Эта ситуация является одной из предпосылок феномена неопатримониальной науки.

Кроме того, необходимо отметить, что поиск субъектности в украинской политологии ставит вопрос о стратегиях преодоления компрадорского статуса внутри страны и колониального – в отношениях с “запад-

⁷⁸ Переплетение двух колониализмов можно увидеть в результатах обзоров учебных пособий 1990-х – начала 2000-х гг., которые (прежде всего, статья Елены Раздиной) показали, что наиболее часто цитируемые в них работы (не считая классиков вроде Платона) принадлежали авторам из СНГ и западным ученым, и лишь в последнюю очередь – украинским: М. Николко. Институционализация политической науки в Украине: анализ периодических изданий // Политическая наука в Украине: становление и перспективы. Симферополь, 2002. С. 40-52; Е. Раздина. Анализ учебной литературы по политической науке, используемой в вузах восточного региона Украины // Политическая наука в Украине. С. 72-96; А. Филатов. Анализ учебной литературы по политической науке, используемой в ВУЗах Украины // Политическая наука в Украине. С. 144-186. Впрочем, в этом можно также видеть и то, что изоляционистская и нативистская ориентация не характерна для украинской политологии.

⁷⁹ Наиболее отчетливо положение обществоведов-компрадоров в асимметричной системе мирового разделения труда обрисовал один из основателей молдавской политологии: “Думаю, что в Республике Молдова места для ученых, которые проводят фундаментальные исследования в области политической науки, нет. Это может быть для больших стран с большими потенциалами, с научными школами, с большим количеством университетов, с богатством этих университетов. Республика Молдова не обладает ни первым, ни вторым, ни третьим, ни четвертым, ни пятым. Поэтому те, кто будет заниматься только фундаментальными исследованиями, не имеют шансов на выживание, в том числе по причине того, что фундаментальные исследования чаще всего осуществляются в странах с развитым потенциалом, например, в США, странах Западной Европы, частично в России. Единственное, что мы можем сделать, – это адаптировать, имплементировать выводы, сделанные на основе фундаментальных исследований западной школы, выводы, которые делаются на основе исследований процессов, политических закономерностей в отдельных регионах” (КМД(п)–3).

ной” наукой. Эта позиция отличает очень немногих респондентов, что может свидетельствовать о зависимости большинства от колониальных (“больших” и “малых”) дискурсов. Можно предположить, что женщины (как дискриминируемая группа) оказываются более чувствительными к самым различным проявлениям ущемления и притеснения. У части респонденток заметно неприятие структуры международного академического разделения труда, воспринимаемой в качестве орудия эксплуатации и контроля. Они протестуют против претензий грантодателей на право первой публикации или исключительное право на все результаты. На ум приходит аналогия с отношениями между Центром (поставщик интеллектуальных технологий и администрирования) и колонией (поставщик сырья):

Наши исследователи могут поехать на Запад, только занимаясь Украиной или Россией и никакими другими вопросами, в общем-то. Мы им интересны только с этих позиций, потому что знаем эту специфику, способны что-то им рассказать, чего они не знают. Все проекты, которые сейчас, в общем-то, объявляются, все грантовые программы, они так или иначе – Восточно-Европейское Пограничье, Украина, Белоруссия, Россия. В общем-то, мы им интересны только как источник информации в этой сфере (ХЖД(п)–2).

В то же время, другая респондентка из Харькова сокрушалась как раз из-за отсутствия интереса коллег к местному материалу как особенно перспективному для формирования подлинно самостоятельной, не эпигонской политической науки:

Вот рядом находятся сёла, в одном районе, почему в одном за “Свободу” проголосовали много человек, а в другом – ноль? А они рядом! Я лезу в архивы, в историю и понимаю, что оба села были козацкими, но: во время голодомора в одном была “черная доска”. Что такое “черная доска”? Это когда выставлялся заградотряд и всю еду вывозили, и вымерло все село, и завезли людей из России, а во втором нет. И казалось бы! А как влияет! Этих исследований никто не проводит, никто не показывает. То есть здесь такой интересный анализ можно по той же Харьковской области проводить – а этим никто не занимается! Занимаются “Демократией вообще”, “Государством вообще”, “Властью вообще”, “Бизнесом вообще”. А вот он реальный фактаж, вы свою область опишите, электоральную карту своей области, она такая пестрая! (ХЖД(п)–3).

Георгий Дерлугьян, который является примером трансформации “регионального исследователя” в “ученого с мировой репутацией”, назвал такой материал “роскошной в своей первозданной неприглядности эмпирикой” и увидел в его разработке “возможность преодоления комплекса интеллектуальной отсталости нашей части мира”.⁸⁰ Однако считанные респонденты ощущают перспективность своей научной ниши. Так, один из них буквально вторит Дерлугьяну, который ссылается на идею “преимущества отсталости” Александра Гершенкрона как на возможность выйти в авангард мировой политической науки.⁸¹ В качестве примера для подражания респондент называет латиноамериканских исследователей, использовавших региональный “кейс” для формулирования новой влиятельной парадигмы – транзитологии:

Я всегда люблю проводить аналогию с транзитологией, которая в значительной степени была создана из переосмысления теории модернизации 1950–1960-х гг. Но сами транзитологи в своем большинстве были эмигрантами в Соединенных Штатах, очень многие из них приехали из стран Латинской Америки. То есть эти люди существенно переосмыслили теорию модернизации и создали свое, очень влиятельное направление, транзитологию, и успешно интегрировались в мировую науку. Вот как раз мне кажется, что постсоветские ученые тоже обладают таким преимуществом, так как мы находимся в гуще событий, которые здесь происходят, понимаем их глубже, чем очень многие американцы или европейцы, которые нас исследуют и приезжают сюда делать research. И у нас есть вот это преимущество: мы можем дать более адекватное понимание и, таким образом, внести вклад в мировую политологию, создав “транзитологию-2” или какую-то новую теоретическую схему или теорию следующего поколения, которая бы включала уже и постсоветский опыт в эту более широкую рамку и картинку (ХМД(п)–1).

⁸⁰ Г. Дерлугьян. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. Москва, 2013. С. 293.

⁸¹ А. Гершенкрон. Экономическая отсталость в исторической перспективе [1952] // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 15–42; Дерлугьян. Как устроен этот мир. С. 294. Мадина Глостанова в личной переписке также отмечает необходимость “просто научиться говорить о своем опыте и осмысливать свою ситуацию – в данном случае, постсоветскую. Выработывая при этом некие адекватные концепты, которые бы шли из этого опыта, владея при этом мировым научным языком, но осознавая его неуниверсальность, его разнообразие, а не пытаться приделывать Лакана или Деррида к этому опыту”.

Как редкий пример успешной реализации стратегии глобализации украинской экспертизы можно назвать Александра Фисуна, чья концепция неопатримониального режима оказалась востребованной в “западной” политологии.⁸² Пока не приходится говорить о появлении особой тенденции – лишь отдельные респонденты высказали уверенность в том, что у них есть шансы воспользоваться “преимуществом отсталости”.⁸³ И в этой связи интервью позволяют сделать вывод о том, что главным, пожалуй, фактором “колониального” статуса украинской науки оказывается не “порабощение” гегемонной “западной” и “российской” наукой,⁸⁴ а пассивность самих украинских ученых, которые оказались неинтересны сами себе. Не выработав собственной исследовательской программы и даже не проявляя интерес к “полю”, для анализа которого в их распоряжении находятся все ресурсы, интеллектуальные и материальные, они оказываются на периферии только потому, что не сумели объяснить себе и другим собственную актуальность и “центральность” для международной науки.

Мадина Тлостанова справедливо отмечает, что постсоветские социальные науки очутились в двойном капкане “идеологической сервильности и необходимости служения власти ради выживания, а

⁸² См., например: О. Fisun. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective // Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2012. Vol. 20. No. 2. Pp. 87-96.

⁸³ Вероятно, важным фактором послужил зрелый возраст подавляющего большинства респондентов. Можно допустить, что молодое поколение политологов будет более оптимистично оценивать свои шансы в глобальной науке.

⁸⁴ Харьковская респондентка, общавшаяся с Дэвидом Истоном (“вот такое отеческое, совершенно доброжелательное, дружелюбное отношение”), в желании ученого быть читаемым увидела его мотивацию в продвижении собственных идей: “Я многие годы работала в Университете внутренних дел, а там как раз в тот период открыли уникальную специальность, они там готовили для Интерпола, для миротворческих сил. Первые несколько наборов были фантастические! Ребята были подготовленные в языковом плане, им было интересно, они активно использовали то, что я тогда привезла. Они использовали Дэвида Истона: во-первых, они его реферировали, во-вторых, на его основании писали рефераты. И я ему даже потом написала, что его работы изучают студенты-кадеты, чему он поразился! А вообще, он очень переживал, чтобы я вообще довезла всю литературу, потому что когда-то он передавал литературу в Москву, и там она пропала. Поэтому он очень переживал и хотел, чтобы его работы попали в хрестоматии и т.д.” (ХЖД(п)–4). Конечно, сюжет с пропажей книг в Москве позволяет задаться вопросом о причинах – незаинтересованности постсоветских исследователей, стремлении установить монополию на обладание текстами и т.п.

также... требований самой власти сделать местные социальные науки конкурентными в глобальной перспективе”.⁸⁵ Однако структурной основой этого положения являются как внешние (политические) обстоятельства,⁸⁶ так и компрадорская позиция социальных ученых в национальной интеллектуальной сфере. Единственный способ преодолеть комплекс неопатримониальной постсоветской науки – стать интересными для себя⁸⁷ и сделать соответствующую науку по-настоящему актуальной для общества (а не узких политических элит), выступив производителями оригинального знания, а не ретрансляторами. И речь идет не о “самобытной науке”, неузнаваемой вне специфической культурной ситуации и непереводимой на универсальный язык международной науки, а о полноценном участии в глобальном интеллектуальном обмене по поводу сушностных проблем, волнующих многих.

SUMMARY

The article takes as its point of departure the famous dictum of the French political thinker, Alexis de Tocqueville: “A new science of politics is needed for a new world.” What new, if any, political science do new post-Soviet

⁸⁵ Madina Tlostanova. Can the Post-Soviet Think? On the Coloniality of Knowledge, External Imperial and Double Colonial Difference // *Intersections*. East European Journal of Society and Politics. 2015. No. 1. P. 52. В этой связи можно вспомнить игнорирование академических политологов со стороны политиков и лишь спорадическое обращение к сугубо технологическим умениям политтехнологов, о чем говорилось уже в статье. Этот пример может быть рассмотрен в данном контексте и как индикатор колонизации: эксплуатация квалифицированной рабочей силы вкупе с ее отчуждением от результатов собственного труда и дальнейшим закреплением подчиненности в рамках существующего политического режима. А высказанное некоторыми респондентами недовольство тем, что иногда предпочтение отдается иностранным (российским) политтехнологам, добавляет еще один нюанс картине академической колониальности в Украине.

⁸⁶ Необходимо учитывать также другие обстоятельства, усложняющие развитие постсоветской Академии. Более подробно об этом: Paula Sabloff. Introduction // Paula Sabloff (Ed.). *Higher Education in the Post-Communist World: Case Studies of Eight Universities*. New York, 1999. Pp. xvi-xviii; Amsler. *The Politics*. Pp. 81-82. Работы, касающиеся непосредственно украинского высшего образования: L. Pivneva. *Political Aspects of Reforming the Higher Education System in Ukraine* // S. Webber, I. Liikanen (Eds.) *Education and Civic Culture in Post-Communist Countries*. Basingstoke, 2001; J. Stetar, O. Panych, A. Tatusko. *State Power in Legitimizing and Regulating Private Higher Education: The Case of Ukraine* // S. Slantcheva, D. C. Levy (Eds.) *Private Higher Education in Post-Communist Europe*. In *Search of Legitimacy*. New York, 2007.

⁸⁷ Усманова. *Восточная Европа*. С. 124.

societies have? Vadim Osin answers this question using the case of Ukraine, focusing on three aspects of the genesis of Ukrainian political science and relying on a series of in-depth interviews conducted with political scientists in several regions of Ukraine. First, the author analyzes the motivations of those who have joined the profession in the wake of perestroika. Second, he reconstructs the dominant gender regime in the profession of political science and its perception and interpretation by female and male practitioners. Third, he places the local academic tradition within the broader international context of knowledge production and dissemination, and characterizes the status of Ukrainian scholarship as colonial. Osin asserts that Ukrainian social scientists experience double colonial pressure, from the American and Russian academic traditions, and are exploited by the domestic neopatrimonial political regime.

BIBLIOGRAPHY

Amsler, Sarah. *The Politics of Knowledge in Central Asia. Science between Marx and the Market*. New York, 2007.

Barinaga, Marcia. *Overview: Surprises Across the Cultural Divide // Science*. 1994. Vol. 263. March, 11. Pp. 1468-1474.

Berndtson, Erkki. *The Development of Political Science: Methodological Problems of Comparative Research // David Easton, John G. Gunnell, Luigi Graziano (Eds.). The Development of Political Science. A Comparative Survey*. London, New York, 1991. Pp. 39-43.

Bystrytskii, E. *Pochemu natsionalizm ne mozhет byt naukoй // <http://www.bystrytsky.org/why94r.htm>*.

Cloud, John. *Study: Are Liberals Smarter Than Conservatives? // Time*. Friday, Feb. 26, 2010. <http://ti.me/1e0QPsh>.

Dahl, Robert A. *Complexity, Change, and Contingency // Complexity, Change, and Contingency // Ian Shapiro, Rogers M. Smith, Tarek E. Masoud (Eds.). Problems and Methods in the Study of Politics*. New York, 2004. Pp. 377-381.

Derlugian, G. *Adept Burd'e na Kavkaze: Eskizy k biografii v mirosistemnoi perspektive*. Moscow, 2010.

— *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy*. Moscow, 2013.

Dreijmanis, John. *Political Science: A Precarious Vocation // Teaching Political Science*. 1981. Vol. 8. No. 4. Pp. 475-485.

Dryzek, John S. *The Progress of Political Science* // *Journal of Politics*. 1986. Vol. 48. No. 2. Pp. 301-320.

Etkind, A. *Vnutrennaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii*. Moscow, 2013.

Farr, James. *Political Science* // *The Cambridge History of Science*. Volume 7. *The Modern Social Sciences*. Cambridge, 2003. Pp. 308-309.

Filatov, A. *Analiz uchebnoi literatury po politicheskoi nauke, ispol'zuemoi v VUZakh Ukrainy* // *Politicheskaiia nauka v Ukraine: stanovlenie i perspektivy*. Simferopol, 2002. Pp. 144-185.

Finnin, Rory. *Ukrainian Studies in Europe: New Possibilities* // *The Journal of Ukrainian Politics and Society*. 2015. No. 1. Pp. 18-22.

Fisun, A. *Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective* // *Democratizatsiia: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2012. Vol. 20. No. 2. Pp. 87-96.

Gavrilishin, B. *Buty radnykom prezidenta – marna trata chasu* // <http://bit.ly/1QWVcFz>.

Gershenkron, A. *Ekonomicheskaiia otstalost' v istoricheskoi perspektive [1952]* // *Ab Imperio*. 2002. No. 4. Pp. 15-42

Gilhooly, Ken J. *Thinking: Directed, Undirected and Creative*. San Diego, 1996.

Easton, D. *Politicheskaiia nauka v Soedinennykh Shtatakh: proshloe i nastoiashchee* // *Sovremennaia sravnitel'naia politologiiia*. Moscow, 1997. Pp. 5-30.

Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'?*. *Poslednee sovetskoe pokolenie*. Moscow, 2014.

Jaschik, Scott. *Women Lead in Doctorates* // *Inside Higher Education*. 2010. September 14. <https://www.insidehighered.com/news/2010/09/14/doctorates>.

Jost, John T Jack Glaser, Arie W. Kruglanski, Frank J. Sulloway. *Political Conservatism as Motivated Social Cognition* // *Psychological Bulletin*. 2003. Vol. 129. No. 3. Pp. 339-375.

Karmazina, M. *Politychna nauka v Ukraïni: disertatsiinyi aspekt* // *Politychnyi menezhment*. 2008. No. 3. Pp. 17-28.

Kemmelmeier, Markus, Cherry Danielson, Jay Basten. *What's in a Grade? Academic Success and Political Orientation* // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. No. 10. Pp. 1386-1399.

Keohane, Robert O. *Political Science as a Vocation* // *PS: Political Science & Politics*. 2009. Vol. 42. No. 2. Pp. 359-363.

Krysenko, A. *Teoriia Pogranich'ia v kontekste simvolicheskoi geografii Evropy* // *Oikumena*. 2006. No. 4. Pp. 261-275.

Kudelia, S. Chi mozhlyva v Ukraïni politychna nauka? // *Kritika*. 2012. No. 1-2 (171–172). Pp. 24-25.

Ladd, Everett C., Seymour M. Lipset. *The Politics of American Political Scientists* // *PS: Political Science*. 1971. Vol. 4. No. 2. Pp. 135-144.

Mansur, O. *Logika kollektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriia grupp*. Moscow, 1995.

Mansur, O. *Vozvyshenie i upadok narodov. Ekonomicheskii rost, stagfliatsiia, sotsial'nyi skleroz*. Novosibirsk, 1998.

Matsievs'kii, Iu. Chomu v nas nemaie politychnoi nauki // *Kritika*. 2012. No. 6 (176). Pp. 10-12.

Matsievs'kii, Iu. Mizh funktsionalizmom ta normativizmom: akademichna politologiiia v Ukraïni na pochatku XXI st. // <http://eprints.oa.edu.ua/110/1/normatism.pdf>.

Moshniaga, V., V. Saka. *Razvitie politologii kak nauki i uchebnoi distsipliny v Respublike Moldova* // *Politicheskaiia nauka v Ukraine: stanovlenie i perspektivy*. Simferopol, 2002. Pp. 145-176.

Nikolko, M. *Institutsionalizatsiia politicheskoi nauki v Ukraine: analiz periodicheskikh izdaniï* // *Politicheskaiia nauka v Ukraine: stanovlenie i perspektivy*. Simferopol, 2002. Pp. 40-52.

Norton, Anne. *Political Science as a Vocation* // Ian Shapiro, Rogers M. Smith, Tarek E. Masoud (Eds.). *Problems and Methods in the Study of Politics*. New York, 2004. Pp. 67-82.

Osin, V. *Akademiia i politicheskii rezhim: neopatrimonial'naia nauka v Ukraine (i Moldove)* // *Ab Imperio*. 2014. No. 3. Pp. 295-360.

Osin, V. *Predely sub'ektnogo konstruirovaniia Pogranich'ia Tsentral'no-Vostochnoi Evropy: politika znaniia kak triumf avtonomii ugetennoi/podchinennoi storony* // *Perekrestki*. 2012. No. 3-4. Pp. 65-85.

Osin, V., A. Zelenski, S. Shuliak. *Vlast' i znanie na postsovetskom prostranstve: politicheskii rezhim, nauchnaia stepen', ideologiiia i kar'era v Ukraine i Moldove*. Vilnius, 2014.

Pivneva, Liubov. *Political Aspects of Reforming the Higher-Education System in Ukraine* // Stephen Webber and Ilkka Liikanen (Eds.). *Education and Civic Culture in Post-Communist Countries*. Basingstoke, 2001. Pp. 248-259.

Potul'nits'kii, V. *Teoriia ukraïns'koï politologiiï*. Kiev, 1993.

Razdina, E. *Analiz uchebnoi literatury po politicheskoi nauke, ispol'zuemoi v vuzakh vostochnogo regiona Ukrainy* // *Politicheskaiia nauka v Ukraine: stanovlenie i perspektivy*. Simferopol, 2002. Pp. 72-96.

Riabchuk, M. *Postkolonial'nyi sindrom. Sposterezhennia*. Kiev, 2011.

Riabov, S. G. *Politychna nauka v Ukraïni XXI stolittia: stan ta perspektyvi rozvytku*. Kiev, 2005.

Rothman, Stanley, April Kelly-Woessner, Matthew Woessner. *The Still Divided Academy: How Competing Visions of Power, Politics, and Diversity Complicate the Mission of Higher Education*. Lanham, MD, 2011.

Ruget, Vanessa. *Scientific Capital in American Political Science: Who Possesses What, When and How?* // *New Political Science*. 2002. Vol. 24. No. 3. Pp. 469-478.

Sabloff, Paula. Introduction // Paula Sabloff (Ed.). *Higher Education in the Post-Communist World: Case Studies of Eight Universities*. New York, 1999. Pp. IX-XXIV.

Said, E. *Kul'tura i imperializm*. St. Petersburg, 2012.

Said, E. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka*. St. Petersburg, 2006.

Shapin, Steven. *The Scientific Life. A Moral History of a Late Modern Vocation*. Chicago, 2008.

Shapovalenko, M. *Ukrainskaia politologiia: trudnosti stanovleniia // Politicheskaia nauka. Politologiia v postsovetskikh gosudarstvakh*. Moscow, 2004. Pp. 230-257.

Shatrov, V. P. *V Sovetskoï assotsiatsii politicheskikh (gosudarst-vovedcheskikh) nauk // Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1961. No. 1. Pp. 143-144.

Shevel, Oxana. *Ukrainian Political Science and the Study of Ukraine within American Political Science: How Similar, How Different?* // *Journal of Ukrainian Politics and Society*. 2015. No. 1. Pp. 23-26.

Shiuttemeier, S. *Sovremennoe sostoianie politicheskoi nauki v Germanii // Politicheskaia nauka v Zapadnoi Evrope*. Moscow, 2009.

Sokolov, M. *Rossiiskaia sotsiologiia posle 1991 goda: intellektual'naia i institutsional'naia dinamika "bednoi nauki"* // *Laboratorium*. 2009. No. 1. Pp. 20-57.

Solovey, Mark. *Shaky Foundations: The Politics-Patronage-Social Science Nexus in Cold War America*. New Brunswick, 2013.

Somit, Albert, Joseph Tanenhaus. *The Development of American Political Science. From Burgess to Behavioralism*. New York, 1982.

Spravochnik dlia postupaiushchikh v vysshie uchebnye zavedeniia SSSR v 1990 g. Moscow, 1990.

Stankov, Lazar. *Conservatism and Cognitive Ability* // *Intelligence*. 2009. Vol. 37. Pp. 294-304.

Starish, O. *Politichna nauka v Ukraïni: 20 rokiv nezalezhnosti* // <http://bit.ly/20pKBFA>.

Stetar, Joseph, Oleksiy Panych and Andrew Tatusko. State Power in Legitimizing and Regulating Private Higher Education: The Case of Ukraine // S. Slantcheva, D. C. Levy (Eds.). Private Higher Education in Post-Communist Europe. In Search of Legitimacy. New York, 2007. Pp. 239-256.

Tlostanova, Madina. Can the Post-Soviet Think? On Coloniality of Knowledge, External Imperial and Double Colonial Difference // *Intersections. East European Journal of Society and Politics*. 2015. No.1(2). Pp. 38-58.

Tocqueville, Alexis. De la démocratie en Amérique. Première partie. Paris, 1992 [1835].

— Democracy in America. Historical-Critical Edition of De la démocratie en Amérique / Ed. by Eduardo Nolla; Trans. by James T. Schleifer. Indianapolis, 2009.

— *Demokratiiia v Amerike*. Moscow, 1992.

Turner, Henry A., Carl C. Hetrick. Political Activities and Party Affiliations of American Political Scientists // *Political Research Quarterly*. 1972. Vol. 25. No. 3. Pp. 361-374.

Umland, A. Issledovaniia sovremennykh ukrainskikh ul'tranatsionalisticheskikh partii – s chistogo lista: chetyre prichiny nedostatochnogo izucheniia postsovetskikh pravoekstremistskikh dvizhenii v Ukraine // *Forum noveishei vostochnoevropeskoï istorii i kul'tury*. 2013. No.1. Pp. 13-16.

Wolin, Sheldon S. Politicheskaiia teoriia kak prizvanie // *Politicheskaiia teoriia v XX veke*. Moscow, 2008. Pp. 277-324.

Usmanova, A. Vostochnaia Evropa kak novyi podchinennyi sub'ekt // *Evropeiskaia perspektiva Belarusi: intellektual'nye modeli*. Vilnius, 2007. Pp. 105-139.

Vorob'ev, D. Institutsional'nye predposylki protsessa formirovaniia sovetskogo politologicheskogo soobshchestva vo vtoroi polovine XX veka / *Avtoreferat dis... k. p. n. Moscow*, 2008.

Vorob'ev, D. Politologiiia v SSSR: formirovanie i razvitie nauchnogo soobshchestva // *Polis*. 2004. No. 4. Pp. 169-178.

Voss, James F., Christopher R. Wolfe, Jeanette A. Lawrence, Randi Engle. From Representation to Decision: An Analysis of Problem Solving in International Relations // Robert J. Sternberg, Peter A. Frensch (Eds.). *Complex Problem Solving: Principles and Mechanism*. Hillsdale, NJ, 2014. Pp. 119-158.

Whitley, R. *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*. 2nd edition. New York, 2000.

Zhuk, S. Mezhdú Moskvói i Zapadom: amerikanistika v Sovetskom Soiúze vo vremia pozdnego sotsializma, 1956–1991 gg. // Forum noveishei vostochnoevropéiskoi istorii i kul'tury. 2013. No. 1. Pp. 259-283.